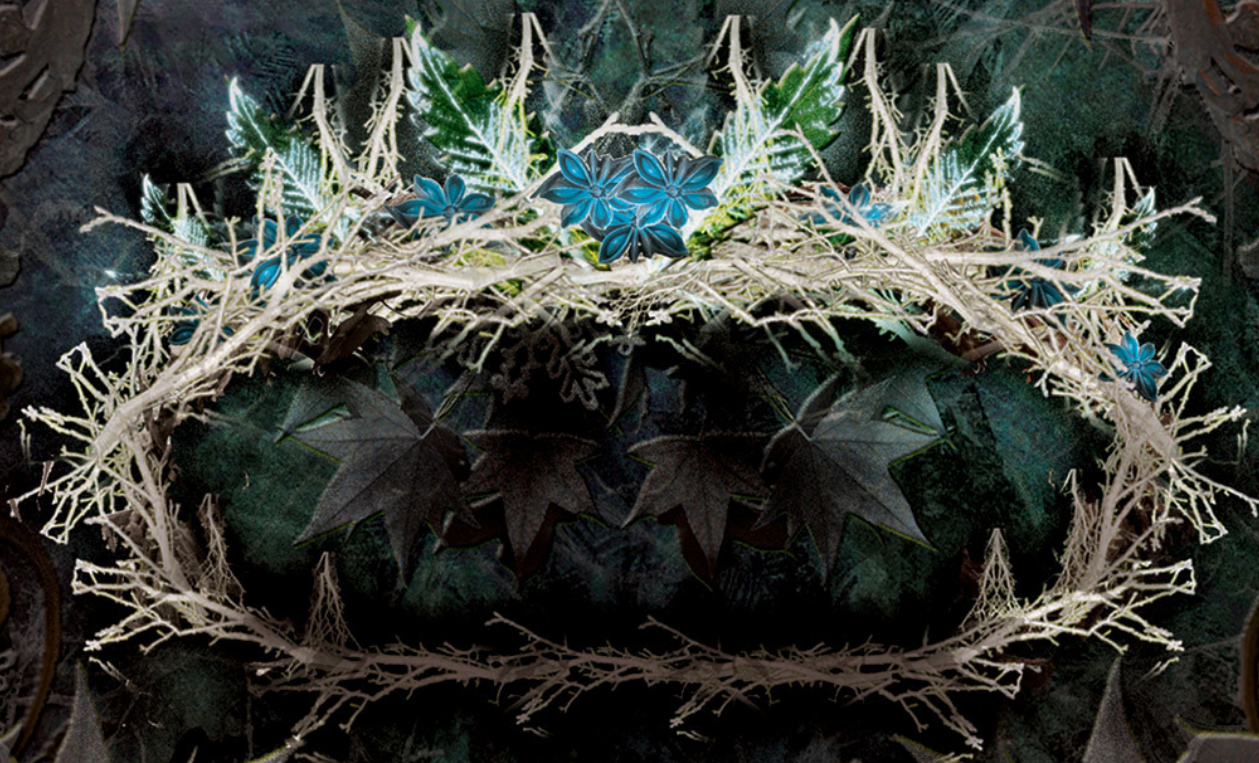

MUST READ для ПОКЛОННИКОВ
«ЖЕСТОКОГО ПРИНЦА»!

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗЕМЛИ

18+

ХОЛЛИ БЛЭК

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

Истории фейри

Холли Блэк

Истории фейри. Железные земли

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Блэк Х.

Истории фейри. Железные земли / Х. Блэк — «Эксмо»,
2007 — (Истории фейри)

ISBN 978-5-04-111633-0

Неблагой двор празднует новое событие – коронацию Ройбена. Чтобы стать его законной супругой, Кайя объявляет на церемонии о своих чувствах и получает взамен задание, которое кажется невыполнимым. Теперь она должна найти то, чего не существует: фейри, способного лгать. Чувствуя себя потерянной, Кайя отправляется в Железные земли и рассказывает матери правду о том, кто она на самом деле. Горькое признание вынуждает Кайю вернуться обратно в Фейрилэнд, где теперь она – пешка в руках королевы Благого двора Силариэль. Сможет ли Кайя выиграть эту игру, в которой главное оружие – острый ум?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111633-0

© Блэк Х., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Холли Блэк

Истории фейри

Железные земли

Моим родителям, Рику и Джуди. Спасибо, что не пытались задохнуть мне в горло раскаленную кочергу или иным способом вернуть обратно к фейри.

Holly Black
Ironside

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Ironside © 2007 by **Holly Black**

© Савельева В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

* * *

Пролог

*Терновника кусты
По воле фейри в ряд
Растут в садах пустых,
Приковывая взгляд.
Но стоит помечтать,
Что лозы изведешь,
Их острые шипы
В постели ты найдешь.*

Вильям Аллингем. «Фейри»

Он оказался в этом месте по ее приказу, его тело покрывали свежие синяки и ссадины, под ногтями была чужая кровь, но Ройбен все равно любил леди Силариэль. Не обращая внимания на голодные взгляды придворных и жуткие задания королевы Никневин, на все унижения, что Ройбену пришлось пережить, и ужасы, о которых он не позволял себе думать, стоя навтыяжку за ее троном.

Сосредоточившись, Ройбен мог вспомнить медное пламя волос своей королевы, ее таинственный взгляд и странную улыбку, которую она подарила своему рыцарю в тот день три месяца назад, когда решила его судьбу.

«Быть избранным королевой для этого задания – огромная честь», – вновь напомнил себе Ройбен. Он любил Силариэль настолько, чтобы оставаться верным ей. Ему она доверяла больше, чем другим своим подданным. Лишь его любовь могла вынести все.

«И я действительно все еще люблю ее», – сказал себе Ройбен.

– Ройбен, – позвала королева Неблагого двора.

Она ужинала. Столом ей служила спина лесного хоба, а его длинные зеленые волосы заменяли скатерть. Теперь она оглядывала Ройбена с улыбкой, в которой таилась опасность.

– Да, моя леди, – механически откликнулся Ройбен бесцветным голосом. Он стремился скрыть, насколько сильно презирает ее, не потому, что это могло не понравиться ей. Скорее, думал он, это приведет ее в восторг.

– Стол ужасно шатается. Я боюсь разлить вино.

Зал под холмом был практически пуст; придворные, которые остались развлекаться среди гирлянд, сплетенных из косматых корней, вели себя крайне тихо, не мешая королеве ужинать. Рядом с ней было лишь несколько слуг, мрачных, словно призраки. Камергер многозначительно прокашлялся.

Ройбен молча смотрел на королеву.

– Почини, – приказала она.

Ройбен сделал шаг вперед, не представляя, чего именно она хочет от него. Хоб поднял голову, обратив к нему бледное от страха морщинистое лицо. Ройбен попытался улыбнуться, подбадривая его, но, казалось, это заставило маленького фейри только сильнее задрожать. Ройбен задумался, будет ли хоб стоять тверже, если его связать, и тут же почувствовал, как отвратителен себе за эту мысль.

– Отруби ему ноги, чтобы стали одной длины с руками, – раздался голос.

Ройбен поднял взгляд. Другой рыцарь – с темными волосами, в темном плаще – подходил к трону Никневин. На голове у него тускло поблескивал металлический обруч. Он широко ухмылялся. Ройбен однажды уже видел его. Это был рыцарь, которого королева Никневин отослала в Благой двор в знак мира между двумя дворами. Двойник Ройбена по положению. Впрочем, Ройбен мог предполагать, что служба этого рыцаря была значительно легче его собственной. При виде его сердце Ройбена забилося в отчаянной надежде. Возможно, их обмен подошел к концу? Неужели он наконец-то вернется домой?

– Нефамаэль, – сказала королева, – неужели Силариэль от тебя так быстро устала?

Он фыркнул.

– Она отправила со мной послание, хотя и слишком незначительное. Я скорее поверю, что просто не нравлюсь ей. А вот вам, насколько вижу, сделка пришлось по вкусу.

– Не представляю, как смогу разлучиться со своим новым рыцарем, – согласилась Никневин, и Ройбен учтиво склонил голову. – Ты собираешься сделать то, что предложил Нефамаэль?

Он глубоко вздохнул, стараясь обрести спокойствие, которое давно потерял. Каждый раз, обращаясь к королеве, Ройбен боялся сорваться и высказать все, что он думает о ней.

– Я сомневаюсь в эффективности подобного плана. Позвольте лучше я займу место хоба. Я не пролью ни капли вашего вина, госпожа.

От восторга улыбка Никневин расширилась. Она повернулась к Нефамаэлю:

– Он так мило упрашивает, разве нет?

Нефамаэль кивнул, хотя у него это явно не вызывало такого восторга, как у королевы. Его желтые глаза впервые, казалось, внимательно оценивали Ройбена.

– И совершенно не беспокоится о собственном достоинстве. Полагаю, вы должны находить это чем-то новым.

Она рассмеялась ледяным смехом, который вырывался из ее горла со звуком, будто ломался лед на поверхности глубокого озера. Где-то в большой полутемной пещере заиграла арфа, и Ройбен содрогнулся при мысли, из чего могли быть сделаны ее струны.

– Что ж, будь моим столом, Ройбен. Посмотрим, действительно ли ты не дрогнешь. За каждый твой промах отвечать придется хобу.

Ройбен занял место маленького фейри, едва ли считая унижительным встать на четвереньки, склонить голову и позволить осторожно расставить на своей спине серебряные тарелки и теплые блюда. Он не дрогнул. Он остался неподвижен, даже когда Нефамаэль присел на пол рядом с тронном и разместил свой кубок на изгибе его позвоночника. Рука рыцаря легла на ягодицы Ройбена, но он лишь закусил губы, стараясь не вздрогнуть от неожиданности. Резкий запах железа был едва выносимым. Он удивлялся, как только это выдерживала Никневин.

– Благой двор вгоняет в скуку, – сообщил Нефамаэль. – Хотя, не спорю, там довольно мило.

– Неужели там нет ничего, что бы могло развлечь тебя? Я с трудом в это верю.

– Есть кое-что, – Ройбен почувствовал, с какой особой улыбкой произносились эти слова. Ладонь рыцаря скользнула выше и легла ему на поясницу. Ройбен непроизвольно напрягся и услышал, как звякнули кубки, отзываясь на его движение. – Но истинное удовольствие мне доставляет поиск чужих слабостей.

Никневин даже не стала делать выговор Ройбену. Но он сомневался, что это проистекало из желания проявить великодушие.

– Кажется, – проговорила она, – ты говоришь совсем не со мной.

– Я говорю только с вами, госпожа, – сказал Нефамаэль. – Но не о вас. Ваши слабости мне знать не положено.

– Очаровательный, льстивый ответ.

– Но возьмем, к примеру, вашего рыцаря. Ройбена. Я знаю о его слабости.

– Неужели? Полагаю, она вполне очевидна. Любовь к свободным фейри даже сейчас заставила его встать на колени.

Ройбен успокаивал себя, чтобы только не двинуться. То, что королева скверно говорила о нем как о животном, не удивляло, – Ройбен обнаружил, что гораздо больше страшился ответа Нефамаэля. В его словах звучал голод; голод, который Ройбен не мог объяснить.

– Он любит Силариэль. И объявил ей о своей любви. Задание, которое она дала ему, – служить вам в обмен на мир между дворами.

Королева Неблагого двора ничего не сказала. Ройбен почувствовал, как с его спины подняли кубок и опустили вновь.

– В самом деле, как восхитительно жестоко. И вот теперь он здесь, отчаянно храбрый и верный женщине, которая так отвратительно использовала его. Она никогда не любила его и уже забыла.

– Неправда, – прошипел Ройбен, поднимая голову. Он вскочил на ноги, его ничто не беспокоило: ни застывшие в изумлении слуги, ни пролитое вино, ни испуганный крик хоба. Сейчас ничего не имело значения, кроме желания причинить боль Нефамаэлю, который украл его место – его дом – и еще осмеливался насмехаться.

– Хватит! – крикнула Никневин. – Властью твоего имени я приказываю тебе, Ройбен, замри.

Против воли он замер, как марионетка, тяжело дыша. Нефамаэль увернулся от него, но полуушмешка, которую Ройбен ожидал увидеть на его лице, пропала.

– Убейте хоба, – приказала королева Неблагого двора. – А ты, мой рыцарь, будешь пить его кровь, словно это вино, и на этот раз не посмеешь пролить и капли.

Ройбен попытался открыть рот, сказать хоть что-нибудь, чтобы остановить взмах ее руки, но приказ королевы сковал его, не позволяя совершить ни малейшего движения. Какой глупец! Нефамаэль насмехался над ним, искусно провоцируя, чтобы он совершил ошибку. Даже то, что прежде королева упустила возможность упрекнуть его, вероятно, было частью плана. Теперь же Ройбен выставил себя на посмешище, а его глупость стоила жизни невинному существу. Отвращение к себе съедало его.

«Такого больше никогда не произойдет», – пообещал он себе. Неважно, что они будут говорить, вынуждать или приказывать сделать, Ройбен не будет реагировать. Он станет безразличен ко всему, словно окаменеет.

Мрачные слуги действовали быстро и проворно. Всего за несколько мгновений они наполнили кубок теплой кровью и поднесли его к неподвижным губам Ройбена. Труп уже уносили прочь, широко распахнутые глаза продолжали смотреть на Ройбена и по ту сторону смерти, проклиная за слабость.

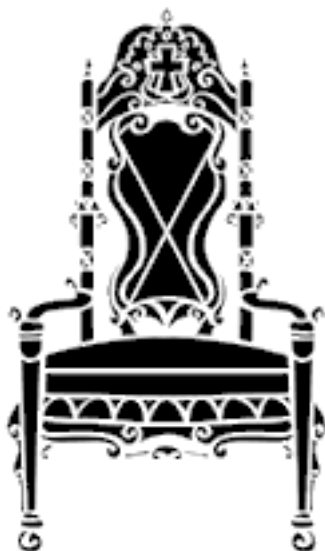
Ройбен не мог сопротивляться и разомкнул губы, сделав глоток теплой солоноватой жидкости. А в следующее мгновение он давился и его рвало на помосте у трона.

Вкус этой крови оставался с Ройбеном все долгие годы службы. Оставался, даже когда одна пикси однажды освободила его, даже когда он завоевал корону Неблагого двора. Правда, к тому времени он уже не помнил, чья это была кровь, – но он так привык к ее вкусу.

Глава 1

Мне больше близки зима и осень, когда вокруг проступает обнаженный скелет природы, ее одиночество, смертоносное присутствие холода. А за ним таится нечто особенное – история, сокрытая от глаз.

Эндрю Уайет

Человеческие девушки плачут, когда им грустно, и смеются, когда весело. Их внешность не меняется по первому капризу, как дым на ветру. У них есть их собственные родители, которых они любят. И они не ходят, повсюду похищая чужих матерей. По крайней мере, такими Кайя представляла человеческих девушек. Какие они в действительности, она не знала. В конце концов, она к ним не относилась.

Внимательно рассматривая себя в зеркале, она прикоснулась к зеленой коже, которая виднелась из-под сетчатых колготок.

– Твоя крыса хочет пойти с нами, – заявила Люти-лу.

Кайя обернулась к большому закрытому аквариуму, у которого, прижав бледную ладонь к стеклу, парила крошечная фейри. Коричневый крыс Армагеддон принюхивался, а Исаак белым пушистым шариком свернулся в дальнем углу аквариума.

– Ему нравятся коронации.

– Ты действительно понимаешь, что он говорит? – поинтересовалась Кайя. Она натянула через голову юбку оливкового цвета и, извиваясь, спустила ее на бедра.

– Он же крыса, – бросила Люти, повернувшись к Кайе. Ее тонкое крыло оставило на стеклянной стенке след бледной пыльцы. – Любой может говорить с крысами.

– Я не могу. Слушай, я не выгляжу слишком одноцветной?

– Мне нравится, – кивнула Люти.

Снизу послышался голос бабушки:

– Кайя, где ты там? Я сделала сэндвичи!

– Сейчас спущусь! – крикнула она.

– Ну что, может крыса пойти с нами или нет? – спросила Люти, поцеловав стенку аквариума.

– Наверное. Конечно. Я имею в виду, только если ты сможешь проследить, чтобы он не убежал.

Кайя затянула шнуровку тяжелого черного ботинка и принялась прыгать по комнате в поисках его пары. Всего два месяца назад в ее комнате помещались детская кровать и книжная полка, уставленная старыми немигающими куклами. Каркас старой кровати теперь был разобран и валялся на чердаке, детские куклы были наряжены в панк-роковские тряпки, а над новым матрасом на полу, на месте, где прежде находилось изголовье кровати, Кайя нарисовала картину. Она была наполовину окончена – дерево с переплетенными корнями и золотистой корой. И хотя Кайя надеялась, с картиной на стене комната так и не стала по-настоящему ее.

Ройбен, увидев рисунок, заметил, что можно было просто зачаровать комнату, придав ей любой желаемый вид, но магический флер – как бы прекрасен он ни был – казался Кайе чем-то нереальным. Или наоборот – слишком реальным, очередным напоминанием, почему в этой комнате ей не место.

Кайя засунула ногу во второй ботинок и натянула куртку. Оставив волосы зелеными, она позволила магии скользнуть по коже, окрашивая и утолщая ее. Слегка покалывая, чары придавали ее лицу привычный человеческий вид.

Она еще немного изучала свое отражение в зеркале, а потом почесала Исаака за ушком, засунула в карман Армагеддона и пошла к двери. Люти, трепеща крылышками, летела следом за Кайей вниз по лестнице, стараясь не попадаться на глаза.

– Я слышала телефон. Твоя мать звонила? – спросила бабушка. Она стояла у кухонного стола, переливая в жестяную банку топленое сало. На тарелках со сколотыми краями лежали два сэндвича с арахисовым маслом и беконом; края золотисто-коричневых полосок мяса свешивались с ломтей белого хлеба.

Кайя вонзила зубы в свой сэндвич, радуясь, что арахисовое масло склеило ей рот.

– Я оставила твоей матери сообщение насчет праздников, но разве она будет утруждать себя и перезванивать мне? О нет, она слишком занята, чтобы поговорить со мной. Обязательно напомни ей об этом завтра вечером. Хотя лично я никогда не смогу понять, почему она не может навестить тебя здесь. Зачем заставлять тащиться в ту убогую квартирку в городе, чтобы увидеться? Уверена, ее жутко злит, что ты осталась здесь, а не последовала за ней верной маленькой тенью.

Кайя продолжала жевать сэндвич, кивая в такт бабушкиному ворчанию. Сквозь пелену чар в зеркале у дверей она видела девушку с травянисто-зеленой кожей, черными глазами без белков и тонкими, точно целлофановая пленка, крыльями. Этот монстр спокойно стоял рядом с милой пожилой дамой и ел еду, предназначенную для другого ребенка. Ребенка, украденного фейри.

Гнездовые паразиты. Так называют кукушек, которые подкидывают свои яйца в чужие гнезда. Пчел, которые откладывают личинки в чужих ульях. Кайя прочитала о них в одной из рассыпающихся энциклопедий на чердаке. Гнездовых паразитов не заботит выращивание собственных детей, они подбрасывают их другим: птицам, которые не замечают, как их потомство становится больше и прожорливей; пчелам, которые не обращают внимания, что их молодняк почему-то не собирает мед, и матерям и бабушкам, не знающим слова «перевертыш».

– Мне пора, – выпалила Кайя.

– Ты обдумала мое предложение насчет школы?

– Бабуль, я сдала экзамен, – отозвалась Кайя. – Ты же сама видела. Я это сделала. И хватит с меня.

Бабушка вздохнула и посмотрела на холодильник, где все еще висело, закрепленное магнитом, письмо с результатами.

– Можно поступить в местный колледж. Представь только: одноклассники еще не выпустились, а ты уже в колледже...

– Пойду проверю, не приехал ли Корни. – Кайя бросилась к двери. – Спасибо за сэндвич.

– На улице холодина, – покачала головой бабушка. – Постой в прихожей. Не понимаю, как можно заставлять девушку ждать снаружи в снегу. Клянусь, этот парень не имеет ни малейшего представления о манерах.

Кайя услышала, как в воздухе просвистело, когда за ее спину скользнула Люти. Бабушка ничего не заметила.

– Хорошо, бабуль, пока!

– Смотри не замерзни.

Кайя кивнула и повернула дверную ручку, спрятав руку в рукаве пальто, чтобы не касаться металла. Даже его запах обжигал ей нос, стоило подойти ближе. Выйдя в прихожую, она повторила тот же трюк с внешней дверью и шагнула в заснеженный мир. Деревья во дворе сковало льдом. Выпавший утром град покрывал все, затвердев мерцающей коркой на ветвях, поблескивая под тусклым серым небом. От легчайшего порыва ветра в ветвях звенело.

Корни не собирался за ней приезжать, но бабушке не нужно знать об этом. Кайя не солгала. Ведь фейри не умеют лгать. Они лишь искажают правду, пока она не становится чем-то совсем другим.

Над дверью висел обернутый в зеленое пучок терновника – отметка, что дом находится под покровительством Неблагого двора. Подарок от Ройбена. Каждый раз, когда Кайя смотрела на ветви, она надеялась, что быть под защитой Неблагого двора включает и защиту от Неблагого двора.

Она резко развернулась и пошла по улице мимо одноэтажного дома с пологой крышей, алюминиевая обшивка которого свисала кусками. Жившая в нем женщина разводила итальянских уток, которые успевали съесть все семена, посаженные соседями. Вспомнив об утках, Кайя улыбнулась. Мусоровоз вывернул на улицу, врезавшись в заваленные пивными бутылками пластмассовые ящики для переработки мусора. Девушка пересекла парковку перед законченным боулинг-клубом, где на обочине стоял старый диван с заледеневшими от мороза подушками.

На лужайках перед домами рядом с плетеными из сушеных лоз оленями, увитыми огоньками гирлянд, мерцали пластиковые Санта-Клаусы. Круглосуточный мини-маркет транслировал душераздирающие рождественские гимны, которые разносились по тихим улицам. Электрический эльф с ярко-розовыми щеками без остановки махал прохожим, а рядом трепетали, точно призраки, надувные снеговики. Кайя прошла мимо пустых яслей, в которых не хватало малыша Иисуса. Она гадала, дети ли украли его или сами хозяева убрали на ночь в дом.

На полпути к кладбищу девушка остановилась у таксофона рядом с пиццерией, забросила пару четвертаков и набрала номер Корни. Он ответил после первого гудка.

– Привет, – сказала Кайя. – Решил насчет коронации? Я уже вышла, хочу увидеть Ройбена, прежде чем все начнется.

– Не думаю, что смогу пойти, – ответил Корни. – Но спасибо, что позвонила... Хотел тебе кое-что рассказать. Я недавно проезжал мимо склада. Знаешь такие, на которые вешают рекламные щиты с призывами типа: «Поддержите родные войска» или «Церковь ждет тебя»?

– Угу, – озадаченно протянула Кайя.

– Так вот еду я и вижу надпись: «Жить – точно слизывать мед с острых шипов». И что это за дичь?

– Цитата?

– Да нифига, какой-то собачий бред. Что это вообще должно означать?

– Неважно. Просто не заморачивайся, – посоветовала Кайя.

– Да, конечно. Не заморачивайся. Это ж я. Не заморачиваться – моя суперсила. Если бы мне пришлось пройти один из тестов на профориентацию, я бы поставил максимальные

десять в графе «не париться из-за всякой фигни». Как думаешь, к какой работе я определенно подготовлен с такими навыками?

– Управляющий склада, – сказала Кайя. – Будешь одним из тех, кто вывешивает эти надписи.

– Ох, удар ниже пояса.

Но в его голосе слышалась улыбка.

– Так что, не пойдешь? – спросила она. – Ты вроде бы был уверен, что это потрясающая идея – встретить свои страхи лицом к лицу и все такое.

На другом конце провода повисло долгое молчание. Кайя уже собиралась что-нибудь сказать, когда Корни наконец отозвался:

– Да, но проблема в том, что встретиться со своими страхами и есть мой главный страх. Не говоря уже, что страх перед аморальными энтузиастами, страдающими манией величия, не так-то просто рационализировать. – Из трубки вырвался странный, надломленный смешок. – Но как же мне хочется однажды раскрыть их секреты. Скажи, как действительно защититься от фейри. Как оставаться в безопасности.

Кайя представила Нефамаэля, последнего короля Неблагого двора, задыхающимся от железа, и Корни, который снова и снова наносит удар.

– Все не так просто, – пробормотала Кайя. – Я имею в виду... почти невозможно защитить себя от людей, а о фейри и говорить не стоит.

– Ну да, кажется. Ладно, увидимся завтра, – сказал Корни.

– Хорошо, – она услышала, как он повесил трубку.

Кайя побрела дальше, плотнее закутавшись в пальто. Она вступила на кладбище и начала подниматься по заснеженному холму, изрытому грязными рытвинами от полозьев саней. Она бросила взгляд туда, где была похоронена Дженет, хотя с того места, где стояла Кайя, могильные плиты с их пластиковыми венками и мокрыми красными лентами выглядели одинаково. Но ей не нужно было видеть надгробие, чтобы замедлить шаг под тяжестью воспоминаний, – так, должно быть, отяжелевшая от воды одежда тянула на дно Дженет.

Интересно, что чувствует кукушонок, когда вдруг осознает, что остальные птенцы не его братья и сестры? Возможно, пытается понять, как очутился здесь и где его родной дом. Или просто притворяется, что все в порядке, и продолжает поглощать червей. Но что бы эта птица ни чувствовала, это не мешает ей выталкивать из гнезда остальных птенцов.

Корнелиус Стоун захлопнул крышку мобильного и на мгновение замер, ожидая, пока схлынет волна сожаления. Он хотел пойти на церемонию, хотел танцевать с отвратительными и прекрасными созданиями Неблагого двора, хотел наесться фейрийских фруктов, а утром очнуться на склоне холма измотанным, но удовлетворенным. Он прикусил щеку, пока не почувствовал вкус крови, но от боли желание лишь усилилось.

Корни сел на пол в проходе между библиотечными стеллажами. Ковровое покрытие было таким новым, что от него исходил чистый химический запах, вероятно, испаряющегося формальдегида. Раскрыв первую книгу, он стал рассматривать гравюры и карандашные наброски конца прошлого века. Пони со странными плавниками ничуть не напоминал келпи, убившего

его сестру. Корни перелистнул страницу, остановившись на изображении танцующих в кругу фейри с румяными, точно у ангелков, щеками и остроконечными ушами. *Пикси*, прочитал он.

Ни одна из них даже слегка не походила на Кайю.

Он аккуратно вырвал эти страницы из тома. Кому нужна эта бредятина?

Следующая книга была ничуть не лучше. Когда Корни приступил к третьей, в проход заглянул пожилой мужчина.

– Вам не следует этого делать, – возмутился он. В руках мужчина держал толстый вестерн в твердой обложке, а на Корни смотрел, старательно щурясь, словно даже в очках плохо его видел.

– Я здесь работаю, – солгал Корни.

Мужчина окинул взглядом его потертую байкерскую куртку и растрепанные длинные волосы, которые были заметно короче по бокам и спереди.

– И ваша работа состоит в том, чтобы разрывать хорошие книги?

– Дело национальной безопасности, – пожал плечами Корни.

Мужчина ушел, бормоча себе что-то под нос. Корни затолкал оставшиеся книги в рюкзак и пошел к выходу. Он считал, что дезинформация гораздо хуже незнания. За спиной взревела сигнализация, но Корни не волновался: он успел побывать в других библиотеках. Везде одно и то же: сигнализация была бесполезна, только издавала милый звук, как церковный колокол из будущего.

Корнелиус направился в сторону кладбищенского холма. Нет, Корни не собирался ничего праздновать с Кайей и ее темным принцем, но это не означало, что он обязан сидеть дома. Ни одна из книг не могла помочь совершить задуманное, да он и не рассчитывал на это. Если ему нужны были ответы, придется обратиться к первоисточнику.

Слугам не нравилось, что приходится впускать Кайю во Дворец термитов. Она могла сказать по тому, как они смотрели на нее, – точно она не фейри, а изношенная туфля, грязь под ногтями или вонь кофе и сигарет, ввевшаяся в одежду. Они отвечали неохотно, отводили взгляд, а по коридорам дворца вели так медленно, словно ноги у них налились свинцом.

Здесь было место, которому она принадлежала, но мрачный легендарный двор, холодные коридоры и его безжалостные обитатели вызывали у нее тревогу. Здесь было очень мило, но Кайя ощущала себя неуверенно и странно среди таких декораций. Если ей не было места ни рядом с Эллен, ни здесь, она не могла представить, куда еще ей податься.

С тех пор как Ройбен принял титул короля Неблагого двора, прошло почти два месяца, но официальная церемония коронации проводится в самую длинную ночь зимы. Завтра Ройбен станет истинным правителем Темного двора, а после коронации возобновится бесконечная война с фейри Благого двора.

Два дня назад он разбудил Кайю посреди ночи – забрался по дереву, постучал в окно ее спальни и вытащил наружу посидеть на замерзшей лужайке перед домом.

– Некоторое время после коронации тебе лучше оставаться в Железных землях, – сказал он. – Иначе ты можешь оказаться в большой опасности.

А когда Кайя попыталась спросить, как долго придется прятаться или как далеко это может зайти, он, промолчав, поцеловал ее. Ройбен явно беспокоился, но не говорил почему. Какой бы ни была причина, его волнение оказалось заразительным.

Слуга-горбун, медленно шаркая, довел Кайю до дверей в покои Ройбена.

– Правитель скоро вернется, – сказал слуга, толкая створки тяжелых дверей и проходя внутрь. Он зажег пару толстых свечей, стоящих на полу, и молчаливо удалился. Волоча свой хвост с кисточкой на конце.

В покоях Ройбена почти не было мебели. Большое помещение со стенами из гладкого камня, пустоту которого нарушали лишь стопки книг и кровать, застланная парчовым покрывалом. Было и несколько других вещей дальше в глубине: нефритовая чаша с водой для умывания, гардероб и стойка с доспехами. Комната выглядела формально, аскетично и зловеще.

Кайя бросила пальто на край кровати и присела рядом. Она попыталась представить, что живет здесь, с ним, и не смогла. Даже идея повесить на каменную стену плакат казалась абсурдной.

Кайя потянулась к пальто и достала из кармана браслет, бережно развернув его на ладони. Тонкая косичка ее зеленых волос, оплетенная серебристой проволокой. Она надеялась встретить Ройбена до церемонии и удивить его подарком, надеялась, что даже если они не смогут видеться какое-то время, он будет держать браслет рядом, как рыцари из легенд, которые брали с собой подарки своих леди, когда отправлялись сражаться. Даже Люти и Армагеддон направились в зал и предоставили ей возможность остаться с ним наедине, чтобы вручить браслет.

Однако сейчас, в мрачном величии дворца, ее подарок казался уродливым и нелепым. Недостойным короля.

Из коридора донесся звук, напоминающий цокот копыт, и Кайя вскочила, пряча браслет обратно в карман пальто, но это оказался лишь очередной мрачный слуга, он принес бокал вина со специями, густого и красного, как кровь.

Кайя взяла бокал и сделала глоток, чтобы не казаться невежливой, а когда слуга вышел, поставила бокал на пол. В неровном свете свечей она пролиستала несколько книг: военная стратегия, «Баллады Писпода», книга Эммы Булл¹ в мягкой обложке, которую Кайя ему одолжила. Ожидание затягивалось. Сделав еще глоток вина, она растянулась на краю кровати, укутавшись в парчовое покрывало.

Проснулась Кайя неожиданно. Крепкая ладонь лежала на ее плече, серебристая прядь щекотала щеку, а над ней склонилось невозмутимое лицо Ройбена.

Смутившись, Кайя села и вытерла губы тыльной стороной ладони. Спала она беспокойно: покрывало наполовину сползло на пол, запачкавшись вином и воском. Она даже не помнила, как закрыла глаза.

В центре комнаты стоял слуга в алом и держал длинную накидку с застежками из черных опалов, а у двери замер Руддлз, камергер Ройбена. Рот его был полон острых клыков, отчего казалось, что он постоянно зловеще скалится.

– Мне не доложили, что ты здесь, – нахмурился Ройбен.

Она не была уверена, значит ли это, что Ройбен хотел, чтобы слуги доложили ему о ее приходе, или он предпочел бы вообще ее сегодня не видеть. Кайя вскочила, натягивая пальто, ее щеки горели от смущения.

– Мне пора.

Он так и остался сидеть на развалинах своей постели. Ножны у бедра касались пола.

– Нет, – он махнул слугам и Руддлзу: – Оставьте нас.

Сухо поклонившись, они вышли из покоев.

– Уже поздно, – она так и осталась стоять. – Церемония скоро начнется.

¹ Эмма Булл – американская писательница, автор произведений в жанре научной фантастики и фэнтези.

– Кайя, ты понятия не имеешь, который сейчас час, – он поднялся, протянув к ней руку. – Ты же спала.

Кайя отступила, сжала кулаки и вонзила ногти в ладони, стараясь сохранять спокойствие. Ройбен вздохнул.

– Останься. Позволь вымолить у тебя прощение за ошибки, которые я сделал, что бы это ни было.

– Перестань, – качала головой Кайя, говоря не задумываясь: – Они ведь не желают, чтобы ты был со мной?

Губы Ройбена скривились в горькой усмешке:

– Нет ничего, что бы они могли запретить мне.

– Мне здесь не рады. Твои подданные не хотят, чтобы мы были вместе. Почему?

Он замешкался, провел рукой по волосам.

– Потому что я джентри, а ты... нет, – неловко закончил он.

– Я принадлежу к низшему классу, – сказала Кайя устало, поворачиваясь к нему спиной. – Ничего нового.

Звук шагов Ройбена нарушил тишину. Он обнял ее, притянув к груди. Его лицо прижалось к изгибу ее шеи, и она ощутила его дыхание и прикосновение губ к коже, когда он сказал:

– У меня есть собственное мнение на этот счет. И меня не волнует, что думают другие.

На мгновение Кайя расслабилась в его объятиях. Он был теплым, его голос звучал так мягко. Она с легкостью могла вновь забраться под покрывало и остаться. Просто остаться.

Но вместо этого Кайя повернулась к нему.

– Так что же ужасного в общении с обитателями трущоб?

Ройбен фыркнул, его рука зависла у ее бедра. Он больше не смотрел на нее, опустив взгляд на холодный каменный пол, такой же серый, как его глаза.

– Чувства к тебе... Это моя слабость.

Кайя открыла рот, собираясь задать еще вопрос, но остановилась, внезапно осознав, что Ройбен сказал больше, чем она спрашивала. Возможно, в этом была причина нелюбви слуг; возможно, именно поэтому придворные относились к ней с презрением. Но главное – сам Ройбен верил, что так и есть. Она могла видеть это по выражению его лица.

– Мне правда пора, – сказала Кайя, отстраняясь. Ей удалось, к счастью, заставить свой голос не дрогнуть. – Увидимся. Ни пуха ни пера.

Ройбен выпустил ее из объятий.

– Во время церемонии ты не можешь ни подняться на помост, ни присоединиться к шествию. Я не хочу, чтобы тебя считали членом моего двора. Но самое главное – ни за что не приноси клятву верности. Обещай мне, Кайя.

– Значит, я должна делать вид, словно не знаю тебя? – до двери было всего несколько шагов, но они показались ей бесконечными. – Словно у тебя нет ни единой слабости?

– Нет, конечно, нет, – выпалил он. – Ты – то единственно настоящее, что у меня есть. Не долг, не обязанность – я выбрал тебя сам. – Он замолчал на мгновение. – Единственная, кто мне действительно нужен.

– Неужели? – не удержавшись, Кайя лукаво улыбнулась.

Ройбен рассмеялся, качая головой:

– По-твоему, я сейчас говорю какие-то глупости, да?

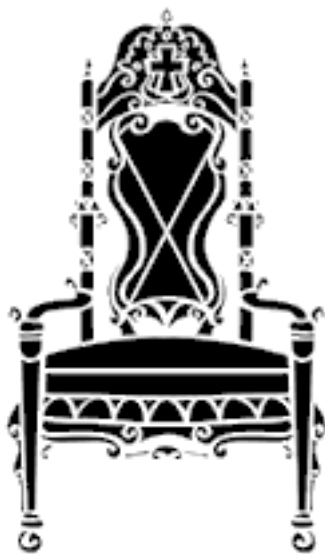
– Нет, по-моему, ты пытаешься быть милым, – сказала Кайя. – И это само по себе глупо.

Ройбен, шагнув ближе, поцеловал ее улыбающиеся губы. И Кайя тут же забыла и о недовольных слугах, и о коронации, и даже о браслете, который хотела подарить. Забыла обо всем, остался только вкус его губ.

Глава 2

*Еда будет всех вкусней,
А в чашах полно вина,
Чтобы согреть людей,
Пришедших на склон холма.*

Эдна Сент-Винсент Миллей. «Таверна»

С самого Самайна до дня зимнего солнцестояния, два долгих месяца, Силариэль не пыталась открыто выступить против Ройбена. Он подозревал, что она что-то замышляет. Темные холодные месяцы считались в Благом дворе неудачным временем для войн, так что, возможно, королева просто выжидала до весны, когда лед начнет таять и все преимущества окажутся на ее стороне.

И все же иногда Ройбену хотелось верить, что она тоже обдумывает продление мирного договора между их дворами. Даже с ее значительным численным превосходством война означала потери.

– Прибыл посланник Благого двора, господин, – повторила Дулкамара, серебряные подошвы ее сапог звенели при каждом шаге. Ройбен слушал, как конец фразы отражается от стен снова и снова, как насмешка: господин, господин...

– Впусти его, – приказал Ройбен, задумчиво прикладывая палец к губам. Он бы хотел знать, была ли Кайя уже в зале, одна ли.

– Возьму на себя смелость сообщить, что посланник – она.

Ройбен поднял на нее взгляд, в котором светилась неожиданная надежда.

– Пусть войдет.

– Да, господин.

Стража отступила, позволяя посланнице подойти ближе. Она была облачена в снежно-белые одежды и совершенно безоружна. А когда фейри подняла на короля взор, ее серебристые глаза сверкнули, точно зеркало, отражая его лицо.

– Добро пожаловать, сестра, – слова, казалось, похитили весь воздух из его легких.

Волосы ее были коротко острижены, белым ореолом обрамляя лицо. Поклонившись, она так и не подняла головы.

– Лорд Ройбен, моя госпожа шлет вам приветствие. Она опечалена, что приходится воевать против своего верного рыцаря, и просит вас пересмотреть свое опрометчивое решение. Вы все еще можете передумать, сдаться и возвратиться к Светлому двору.

– Этин, что случилось с твоими волосами?

– Это в память о брате, – ответила она, так и не поднимая головы. – Я отрезала их после его смерти.

Ройбен молча смотрел на нее.

– Каков будет ответ? – осведомилась Этин.

– Скажи ей, что я не передумаю, – резко отозвался он. – Не отступлю и не сдамся. Можешь передать своей госпоже: узнав вкус свободы, я больше не считаю возможным служить ей. Можешь также сказать, что ничто в ней больше не привлекает меня.

Этин сжала зубы, будто пыталась удержать рвущиеся слова.

– Мне было приказано остаться, чтобы присутствовать на церемонии коронации. С вашего позволения, конечно.

– Я всегда рад твоей компании, – сказал Ройбен.

Не дожидаясь разрешения, Этин покинула зал. Когда в двери вошел камергер, широко, зубасто ухмыляясь, Ройбен попытался выкинуть из головы мысль, что последнее время ему больше удастся радовать своих врагов, чем друзей. И это дурное знамение.

Корнелиус прислонился спиной к шершавому стволу вяза, растущего у входа на кладбище. Он старался сосредоточиться на чем-то другом и перестать думать о холоде или о железной кочерге и катушке с рыболовной леской, которые он сжимал в руках. Белую, сливающуюся со снегом одежду он вывернул наизнанку, на случай если бред из книг все же работает, и натерся сосновыми иголками, чтобы скрыть свой запах. Корни надеялся, этого будет достаточно в такую темную, беззвездную ночь.

Сколько бы он ни твердил себе, что готов встретиться с фейри, звук их шагов по снегу вызвал панику. Корни в действительности не думал, что одна кочерга спасет его от сотен, тысяч фейри Неблагого двора. Оставалось только ждать, затаив дыхание, и стараться не дрожать.

Они собирались на первую за последнюю сотню лет коронацию. Все будут здесь. Как бы Корни хотелось, чтобы Кайя сейчас была рядом с ним, в засаде под деревом, а не под холмом на балу фейри. С ней любые безумные идеи становились блестящими идеями, и казалось, что ты можешь решить даже нерешаемую задачу. Но чтобы заставить Кайю прийти сюда, ему бы пришлось рассказать ей о своих планах, а это бы хорошо не закончилось. Порой Корни забывал, что Кайя не человек, пока она не смотрела на него взглядом, в котором проскальзывало что-то холодное, или не улыбалась дикой, хищной улыбкой. Неважно, что Кайя его лучшая подруга, она остается одной из них. Лучше ему работать в одиночку.

Корни повторил себе эту мысль, когда мимо прошла первая процессия фейри. Это была группа троллей с зелеными, покрытыми лишайником конечностями, длинными и узловатыми, точно ветви деревьев. Они шли, вздымая облака снега, тихо рыча друг на друга и поводя крюч-

коватыми носами, будто охотничьи псы. Этой ночью они не заботились о том, чтобы скрыть свою внешность.

За ними прошествовали три женщины в белых одеяниях, их длинные волосы трепетали в воздухе, хотя погода была безветренной. Женщины заговорщицки улыбались друг другу. Когда они прошли мимо, не замечая Корни, он увидел, что спины женщин вогнутые и пустые, как яичная скорлупа. Несмотря на воздушные одеяния, они, похоже, не имели ничего против холода.

За ними проехала группа всадников, суровых и молчаливых. Корни заметил венки, украшенные алыми ягодами, в их темных волосах. Он не мог заставить себя отвести взгляд от необычных богато украшенных одежд, от сияющих локонов волос и лиц столь прекрасных, что от одного взгляда на них тело пронзало желание.

Корни до боли прикусил губу и закрыл глаза. Руки дрожали, и он боялся, что выдаст себя, случайно выдернув из-под снега прозрачную леску. Сколько еще раз его будут застигать врасплох? Как долго он будет позволять фейри дурачить себя?

Не открывая глаз, Корни прислушался. Хруст веток под ногами, скрип снега, туманные обрывки разговоров, смех, мелодичный, точно звуки флейты. Он вслушивался в звуки, и когда все смолкло, открыл глаза. Теперь оставалось только ждать. Он был готов поспорить, что каким бы ни был повод для празднования, среди гостей обязательно найдутся опоздавшие. Всего через несколько минут по холму уже поднималась группа невысоких эльфов в сером. Нетерпеливо шипя друг на друга, они пробирались сквозь снег. Корни вздохнул. Для выполнения его плана их было слишком много и они были большими, поэтому пришлось ждать, пока эльфы пройдут.

Зато в конце процессии брел, перепрыгивая через ямы, оставленные ногами троллей, крошечный фейри. Он был облачен в красное и носил шляпу из половины сосновой шишки, в полутьме его черные глаза по-звериному поблескивали. Корни крепче сжал кочергу и сделал глубокий вдох. Дождавшись, пока малыш сделает еще два прыжка, он выскочил из-за деревьев и одним молниеносным движением приставил кочергу к горлу фейри.

Существо завизжало, падая в снег, и вскинуло руки, чтобы заслониться от железа.

– Да это же настоящий криптонит², – прошептал Корни. – А я, полагаю, тогда Лекс Лютор³.

– Пожалуйста, прошу, – взмолился малыш. – Чего вы хотите? Желание? Но у такого крошечного фейри, как я, слишком мало сил, чтобы исполнить волю такого могущественного существа.

Корни резко дернул тонкую рыболовную леску, и вокруг фейри захлопнулась алюминиевая ловушка для крабов.

Существо вновь завизжало. Оно металось, пытаясь протиснуться между прутьями клетки, но каждый раз с воем отпрыгивало назад. Наконец Корни позволил себе улыбнуться.

Он быстро закрутил четыре проволочных зацепа, плотно закрывая ловушку. Затем подхватил клетку и побежал вниз по холму, проваливаясь по колено в снег. Корни предусмотрительно выбрал дорогу подальше от той, по которой поднимались фейри. Спотыкаясь, он добежал до места, где оставил машину: багажник все так же открыт, запасное колесо внутри припорошило тонким слоем снега.

Закинув туда клетку, Корни захлопнул багажник и заскочил в машину, тут же включая зажигание. Волна тепла ударила со всей мощностью, а он просто замер на несколько секунд,

² *Криптонит* – вымышленное радиоактивное вещество из вселенной DC Comics. Во многом слово «криптонит» стало распространенным аналогом выражения «ахиллесова пята».

³ *Лекс Лютор* – вымышленный персонаж, суперзлодей DC Comics и заклятый враг Супермена.

наслаждаясь теплом, ощущая бешеный стук сердца в груди и торжество. Наконец-то! Теперь правила будет устанавливать он.

Кайя наклонила кубок, осушая его до дна. Первый глоток грибного вина был отвратителен, но потом она вдруг осознала, что проводит по зубам кончиком языка в надежде вновь ощутить этот горький землистый вкус. Щеки Кайи горели, а голова кружилась.

– Не делай этого, – посоветовала Люти-лу. – Это нехороший напиток.

Маленькая фейри примостилась на плече Кайи, одной рукой ухватившись за серебряное кольцо сережки, а другой – за прядь волос.

– Он великолепен! – не согласилась Кайя.

Она провела по дну кубка, собирая последние капли вина, и облизнула палец. Потом попробовала сделать шаг, покачнулась, но в самый последний момент смогла удержаться на ногах и не свалиться на стол.

– Где мой крыс?

– Прячется. И нам стоило бы последовать его примеру. Смотри, – воскликнула Люти, взмахнув рукой.

Кайя не поняла, на что именно нужно смотреть. Вокруг было полно гостей. Между столами бродили тролли и селки, сбросившие для сегодняшней ночи тюленью шкуру, кружили по залу бледные допплеры с полыми спинами. Были здесь и несколько келпи, из-за которых в воздухе повис запах морской соли, а еще никсы и спрайты, брауни, богги, паки, ухмыляющиеся спиригганы; в уголке сидел одинокий шэг-фол, блуждающие огни парили среди сталагмитов...

Пришли не только местные. Фейри путешествовали издалека, чтобы присутствовать на коронации. Здесь собрались посланники от множества дворов, о существовании которых Кайя понятия не имела, – кто-то от Благих дворов, кто-то от Неблагих и некоторые, провозглашающие, что подобное разделение не имеет смысла. Даже Высокий двор Эльфхейма, хотя Двор термитов и не приносил ему присягу, прислал своего принца, который сейчас наслаждался люющим рекой вином. Все они собрались посмотреть, как Двор ночи присягнет своему новому господину. Они улыбались ей, тая за своими улыбками сотню мыслей, которые Кайе не дано было разгадать.

Столы были укрыты темно-синими скатертями и сервированы прозрачными ледяными блюдами. Рядом со скульптурно составленными глыбами зеленоватого льда лежали зеленые ветви и ягоды остролиста. Одну из глыб, с неподвижно застывшими в ней рыбешками, лизало чудовище с длинным черным языком. Рядом с жареными голубиными ножками на вертелах стояло блюдо с горькими желудевыми кексами, украшенными сахарной черничной помадкой. В огромной медной чаше, запотевшей от холода, булькал черный пунш. Временами кто-то из гостей погружал туда фужер из сосульки и делал глоток содержимого.

Вдруг наступила тишина, и Кайя подняла взгляд.

В зал в сопровождении придворных вошел Ройбен. Впереди процессии бежал Тислдаун, глашатай Неблагих двора, его длинные золотистые волосы сбегали волнами со сморщенной головы. Следом шла маленькая фейри Блют, играя на свирели. За ними шествовал Ройбен, сопровождаемый своими верными рыцарями, Эллебером и Дулкамарой. Они следовали в трех

шагах позади него, как и было положено по правилам церемонии. А тянущуюся за королем накидку поддерживала пара гоблинов.

Остальная процессия шествовала за повелителем: камергер Руддлз, виночерпий, несущий в руках витой кубок из рога, и пажи, крепко сжимающие поводки трех больших черных псов.

Ройбен взошел на поросший мхом помост, остановился у великолепного трона, сплетенного из березовых ветвей, и повернулся к толпе. Затем он опустился на колени и склонил голову – длинные пряди волос, серебристых, точно лезвие ножа, упали на лицо, скрывая его от мира.

– Принимаешь ли ты клятву? – спросил Тислдаун.

– Принимаю, – ответил Ройбен.

– Эта вечная ночь, – нараспев произнес глашатай, – тьмы, льда и смерти – принадлежит нам. Пусть же сердце нашего нового повелителя будет изо льда. Да станет он порождением смерти. Да посвятит он себя вечной ночи. – Он поднял корону, сплетенную из ветвей ясеня, ошестинившуюся острыми сучками, и водрузил ее на голову нового повелителя.

Ройбен поднялся.

– Кровью королевы, пролитой мной, – провозгласил он, – и этим ясеновым венцом на челе моем этой ночью, самой длинной ночью в году, в день зимнего солнцестояния я посвящаю себя Темному двору. Двору ночи.

Эллебер и Дулкамара, замершие по бокам от повелителя, встали на колени. А следом за ними преклонил колени весь Неблагодатный двор. Кайя тоже неловко опустилась на пол.

– Перед вами наш повелитель, лорд Ройбен, король Неблагодатного двора, – провозгласил глашатай. – Склонитесь ли вы перед ним, признаете ли своим сувереном?

Зал взорвался криками, от которых у Кайи волоски на руках встали дыбом.

– Вы – мой народ! – сказал Ройбен, простирая руки к толпе. – Я связан с вами своей клятвой. Без вас я ничто.

С этими словами он опустился на березовый трон, лицо его было бесстрастно. Подданные, вставая, потянулись к помосту, чтобы выразить свое почтение.

Сбегая от спириггана, крылатая малышка-фейри, трясаясь, забилась под стол. Ледяная чаша пошатнулась, выплескивая содержимое, башня зеленоватых ледяных кубиков обрушилась, разлетаясь по полу.

– Кайя, – пискнула Люти, – ты все пропустишь!

Девушка повернулась к помосту. Рядом с Ройбеном, скрестив ноги, сидел писец, отмечая каждого нового подданного. Подавшись вперед на троне, Ройбен сказал что-то женщине в алом платье. Когда она опустилась на колени, Кайя заметила ее пушистый кошачий хвост.

– Что пропущу? – удивилась Кайя.

– Пикси, ты что, никогда не видела, как делают заявление? – хмыкнула женщина в ожерелье из серебряных скарабеев. – Ах, ты из Железных земель.

– Скажем так, – кивнула Кайя. Она задумалась, неужели вонь железа пропитала ее насквозь и сочится из пор.

Изящная девушка в платье из лепестков выступила из-за спины женщины, положила тонкие пальцы на ее руку и поморщилась, глядя на Кайю:

– Он еще не твой, знаешь ли.

Голова Кайи была словно набита ватой.

– Что?

– Заявление, – сказала женщина. – Ты еще не делала его.

Кайе вдруг показалось, что серебряные скарабеи на шее собеседницы задвигались. Она помотала головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Да она же не знает! – хихикнула девушка, схватив со стола яблоко и вгрызаясь в него зубами.

– Чтобы стать его супругой, – медленно пояснила женщина, – необходимо публично заявить о своей любви и выполнить задание, чтобы доказать, что ты достойна короля.

Кайя вздрогнула, увидев, как мерцающий жук полз вверх по платью собеседницы и занял свое место в ожерелье.

– Задание?

– Да. Однако если монарх не благоволит заявительнице, поручение, которое он даст ей, будет абсолютно невыполнимо.

– Или даже смертельно, – с ухмылкой добавила девушка.

– Мы вовсе не думаем, что тебе он мог бы дать подобное задание.

– Мы вовсе не думаем, что он хотел скрыть что-то от тебя.

– Оставьте меня, – сказала глухо Кайя.

Ее сердце сжалось. Пробираясь вперед сквозь толпу, она понимала, что выпила гораздо больше, чем собиралась. Люти что-то запищала, когда Кайя растолкала компанию, состоящую из крылатых дам и музыканта со скрипкой, едва не запнувшись о чей-то длинный хвост.

– Кайя, – плакала Люти. – Куда мы идем?

Женщина, откусывая с палочки жемчужно-серые личинки, причмокнула с наслаждением губами, когда Кайя проходила мимо. Фейри, с коротко стриженными белыми волосами, которые торчали, точно пушинки одуванчика, показалась Кайе смутно знакомой, но Кайя не могла вспомнить, где ее видела. Рядом синегокожий мужчина щелкал каштаны в своих огромных кулаках, а крошечные фейри кидались поймать кусочки, которые он ронял.

Мир расплылся, цвета слились воедино.

Кайя ощутила удар о земляной пол, прежде чем успела понять, что она падает. Несколько мгновений она просто лежала на земле, разглядывая разноцветные подола платьев гостей, копыта и остроносые туфли. Формы танцевали и сливались перед ее глазами.

Люти замерла у самого ее лица, так близко, что Кайя едва могла сфокусировать взгляд на ее маленькой фигурке.

– Не смей отключаться – возмутилась она, дернув Кайю за палец. Прозрачные крылышки нервно трепетали. – Эти монстры до меня доберутся, если ты заснешь.

Кайя перекатилась на бок и осторожно поднялась, не доверяя собственным ногам.

– Все в порядке, – заявила она. – Я не сплю.

Люти приземлилась прямо ей на голову и принялась нервно переплетать пряди ее волос.

– Все в полном порядке, – повторила Кайя.

Нетвердо шагая, она приблизилась к краю постамента, на котором сидел лорд Ройбен, новопровозглашенный король Неблагого двора. Она наблюдала, как его пальцы, украшенные кольцами, отбивают на краешке деревянного трона незнакомую мелодию. Он был облачен в черные плотные ткани, которые скрывали его словно тень... Такой знакомый, но, глядя на него, Кайя не могла вымолвить ни слова.

Наивысшая из глупостей – тосковать по человеку, которому ты небезразличен. Это напомнило ей детство, когда она смотрела, как ее мама поет на сцене. Кайя гордилась, но в то же время боялась, что, поднявшись на возвышение, она встретит там вовсе не Ройбена.

Люти-лу вспорхнула со своего насеста и подлетела к трону. Ройбен поднял взгляд, рассмеялся и сложил ладони лодочкой, чтобы она могла приземлиться.

– Она выпила столько грибного вина, – возмутилась маленькая фейри, указывая на Кайю.

– Неужели? – серебряные брови Ройбена приподнялись. – Возможно, она поднимется и сядет возле меня?

– Конечно, – согласилась Кайя, забираясь на помост. Ее охватила странная неловкость. – Как коронация?

– Бесконечна. – Он запустил длинные пальцы ей в волосы, заставляя ее тело дрожать.

Всего несколько месяцев назад Кайя считала себя человеком. Станным, но человеком. Теперь же вес тонких крыльев за спиной и зелень кожи напоминали ей об обратном. Но в душе она оставалась прежней Кайей Фирч, и неважно, какой бы умной или волшебной она ни была, у нее не укладывалось в голове, почему ей позволено сидеть рядом с королем.

Даже если она спасла ему жизнь. Даже если он любит ее.

Она не могла не думать о словах женщины со скарабеями. Интересно, собирается ли та девушка с барабаном и дредами сделать заявление? Попросит дать ей задание? А девушка с кошачьим хвостом уже сделала это? Может быть, фейри смеялись над Кайей, думали, что если она выросла среди людей, то ничего не знает об их традициях?

Ей хотелось сделать все правильно. Хотелось совершить что-то великое. Подарить Ройбену нечто большее, чем глупый самодельный браслет. Покачнувшись, Кайя опустилась на колени перед новым королем Неблагого двора.

Глаза Ройбена расширились, в них мелькнул страх. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но Кайя оказалась быстрее:

– Я, Кайя Фирч, хочу сделать заявление. Я... – Кайя застыла, внезапно понимая: она не представляет, что предполагается говорить. Но алкоголь в крови развязывал ей язык. – Я люблю тебя и прошу дать мне задание, чтобы доказать свои чувства.

Ройбен вцепился в подлокотники трона, пальцы впились в дерево. Его голос упал до шепота:

– У меня должно быть каменное сердце, если я позволю это. Ты не станешь подданной этого двора.

Кайя чувствовала, что-то не так, но не знала что. Мотая головой, она повторила:

– Я хочу сделать заявление. Я не знаю официальной формулировки, но точно знаю, чего хочу.

– Нет. Я не позволю.

На мгновение воцарилась тишина, а потом послышались смешки и шепот.

– Я записал обращение. Слова были произнесены, – сказал Руддлз. – Вам придется оказать ей честь и ответить на просьбу.

Ройбен кивнул.

Один долгий миг он смотрел на собравшихся в зале подданных, а затем поднялся и подошел к краю возвышения.

– Кайя Фирч, вот задание, которое я дарю тебе. Найди фейри, способного лгать, и займешь место подле меня в качестве законной супруги.

Пронзительный хохот разнесся по залу. Послышались голоса: «Невозможно. Задание невыполнимо».

Лицо Кайи вспыхнуло. Головокружение усилилось, к горлу подступила тошнота. Должно быть, она побледнела или выражение ее лица вызывало тревогу, потому что Ройбен соскочил с возвышения и ухватил ее за руку, не давая упасть.

Вокруг гудел рой голосов, но Кайя не могла разобрать слов.

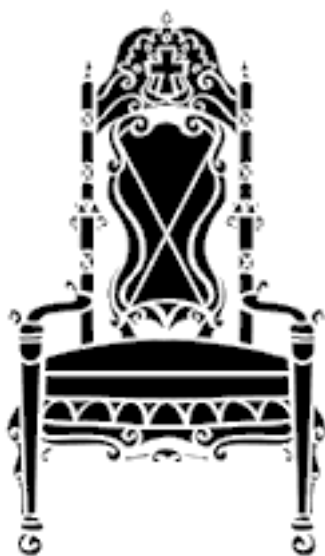
– Клянусь, если я найду того, кто подал тебе эту идею, он заплатит за это жизнью.

Кайя тяжело моргнула, всего на мгновение позволив векам закрыться, – и провалилась в сон, ускользая из Фейриленда.

Глава 3

*Хранить буду покой, как листья
в день осенний
Покорно держатся под каплями дождя,
И стану тише, неподвижней, холодней
Даже тебя.*

Сара Тисдейл. «Мне все равно»

Когда Корни вытащил клетку из багажника, маленький хоб трясся, забившись в угол. Забросив ловушку на заднее сиденье, он забрался в машину и захлопнул дверцу. Двигатель работал на холостом ходу, из печки струился сухой горячий воздух.

– Я – могущественный... чародей, – сказал Корни. – Так что даже не пытайся что-нибудь сотворить.

– Да, – отозвался маленький фейри, быстро моргая черными глазками. – Нет. Ничего не пытайся.

Корни обдумывал ответ фейри, стараясь правильно его расшифровать, но лишь больше запутался. Наконец он встряхнул головой, избавляясь от этих мыслей. Все под контролем. Фейри в клетке.

– Я хочу защититься от вашей магии, и ты мне в этом поможешь.

– Я навожу чары, а не снимаю, – прошептал фейри.

– Но... – нахмурился Корни, – должно же быть что-то. Чтобы не спрыгнуть радостно с пирса или не жаждать чести быть скамеечкой для ног какого-нибудь фейри.

– Ни растения. Ни камни. Ни заклинания не могут полностью уберечь от наших чар.

– Бред собачий. Должно что-то быть! Существуют люди, которые могут противиться вашей магии?

Маленький фейри подпрыгнул ближе к краю клетки и тихо-тихо заговорил:

– Те, кто обладают истинным зрением. Те, кто могут видеть сквозь чары.

– И как получить истинное зрение?

– Порой смертные рождаются с ним. Очень немногие. Не ты.

Корни со злостью пнул спинку переднего сиденья.

– Тогда Расскажи о чем-нибудь еще. То, что мне может пригодиться.

– Но могущественный чародей не может не знать о...

Корни встряхнул клетку с такой силой, что маленький Фейри распластался на дне. Его шляпа из шишки выпала через дыру между алюминиевыми прутьями и приземлилась на коврик. Фейри дико взвыл.

– Да, это я, – усмехнулся Корни. – Чертовски сильный маг. И если хочешь выбраться, тебе лучше начать говорить.

– Есть один парень с истинным зрением. В огромном городе железа и изгнанников на севере. Он умеет снимать чары со смертных.

– Хорошо, – протянул Корни, поигрывая кочергой. – А теперь Расскажи мне что-нибудь еще.

На следующее утро, когда оцепеневшие тела пьяных Фейри еще покрывали пол главного зала Неблагого двора, Ройбен собрал своих советников в ледяной пещере, такой холодной, что дыхание облачком повисало в воздухе. На скалистых выступах в стенах горели сальные свечи, распространяя запах гвоздики.

«Пусть сердце нашего нового Повелителя будет изо льда».

Как сильно Ройбен желал этого, жаждал, чтобы лед, сковавший ветви деревьев на холме, заморозил и его сердце.

Дулкамара барабанила пальцами по полированному дереву стола, твердому, как камень. Скелетообразные крылья, мембрана которых разорвалась и остались одни перепонки, свисали с ее плеч. Бледно-розовые глаза смотрели на короля.

Ройбен посмотрел на нее и подумал о Кайе. Он уже ощущал ее отсутствие, подобное жажде, которая терпима, пока не вспомнишь о воде.

Руддлз мерил шагами пещеру.

– У них численное превосходство, – говорил он. Его широкий зубастый рот заставлял представлять, что камергер в любой момент может откусить кусочек от кого-нибудь из собравшихся. – Многие свободные Фейри, которые подчинялись Никневин, бежали, узнав, что больше не связаны Десятиной. Наши войска поредели.

Ройбен наблюдал за пламенем свечей, ярко вспыхивающим и затем угасавшим.

«Заберите это у меня, – подумал он, – я не хочу быть вашим королем».

Руддлз многозначительно посмотрел на него, прикрыл глаза и сжал пальцами переносицу.

– Мы еще больше ослабли, потому что несколько наших лучших рыцарей погибли от вашей руки, господин. Припоминаете?

Ройбен кивнул.

– Меня огорчает, что вы, кажется, не ожидаете нападения Силариэль, повелитель, – сказал Эллебер. Прядь волос упала ему на лоб, закрывая глаз, и рыцарь нетерпеливо смахнул ее. – День зимнего солнцестояния прошел, какой смысл теперь ей медлить?

– Может быть, Силариэль устала? Ей скучно воевать, ей лень, – ответил Ройбен. – Как и мне.

– Вы слишком молоды, – заскрежетав острыми клыками, возразил Руддлз. – И слишком легкомысленно относитесь к судьбе Двора. Сомневаюсь, что вы вообще хотите нашей победы.

Однажды леди Никневин выпорола Ройбена – он уже не помнил, за что и когда именно, – а потом отвлеклась на какое-то новое развлечение и отошла, что позволило Руддлзу, ее камергеру на тот момент, проявить мимолетное милосердие. Он влил Ройбену в рот немного воды. Ройбен все еще помнил сладкий вкус и боль в горле при каждом глотке.

– По-твоему, мне не хватает сил, чтобы быть повелителем Неблагого двора? – Ройбен оперся о столешницу, подавшись к Руддлзу так близко, что мог бы поцеловать его. Дулкамара рассмеялась и захлопала в ладоши в ожидании захватывающего зрелища.

– Именно, – кивнул Руддлз. – Я думаю, вам для этого недостает сил. И ума. И сомневаюсь, что для вас действительно имеет значение это звание.

– Зато у меня сил достаточно, – прошипела Дулкамара. Отбросив гладкие черные волосы, она одним быстрым движением оказалась позади камергера. Руки опустились на плечи Руддлза, длинные пальцы легли на его горло. – Король не должен марать руки. Королева никогда этого не делала.

Руддлз застыл, возможно, осознавая наконец, что зашел слишком далеко.

Эллебер медленно обвел взглядом всех троих, словно решая, чью сторону лучше принять. Ройбен не питал иллюзий: от любого из них он не мог ожидать верности, если бы не клятва, связавшая их. Стоит произнести всего лишь слово, чтобы показать: у него есть и сила, и ум. И, возможно, даже завоевать их расположение.

– Может быть, я не лучший король, – вместо этого проговорил Ройбен, откидываясь на спинку кресла и расслабляя сжатые пальцы. – Но однажды я уже был подданным Силариэль и, пока дышу, не позволю ей править мной или моими людьми.

– Ваше милосердие доведет нас до беды, мой король, – выдавила Дулкамара, с сожалением разжимая пальцы.

Руддлз закрыл глаза, на лице его отразилось нескрываемое облегчение.

Давным-давно, когда Ройбен только прибыл к Неблагому двору, он сидел в своей маленькой каморке, подобной тюремной камере, и жаждал собственной смерти. Тело болело от побоев и наказаний, раны засыхали длинными гранатовыми наростами, и он так устал противостоять приказам Никневин, что мысль о возможной смерти наполнила его неожиданной и удивительной надеждой.

Будь он и правда милосерден, он бы позволил Дулкамаре убить камергера.

Руддлз не лгал: у них мало шансов выиграть войну. Но Ройбен мог сделать то, что умел лучше всего, чему научился благодаря Никневин: терпеть. Терпеть достаточно долго, чтобы потом убить Силариэль. Так, чтобы она никогда больше не смогла в знак мира между Дворами послать своего рыцаря на мучения, не смогла продумать тысячи смертей, оставаясь при этом воплощением невинности. Вспоминая о королеве Светлого двора, Ройбен словно ощущал, как маленький ледяной осколок проникает в сердце, заставляя оцепенеть от того, что должно случиться. Не столь важно выиграть войну, нужно просто продержаться в живых достаточно, чтобы успеть забрать Силариэль с собой в могилу.

И если Темному двору суждено погибнуть вместе с ними, так тому и быть.

Корни постучал в заднюю дверь дома бабушки Кайи и улыбнулся, заглянув в окно. Он почти не спал этой ночью, но сиял, радуясь новым знаниям. Крошечный хоб проговорил всю ночь, рассказывая Корни все, что только могло способствовать его освобождению. На рассвете Корни все же открыл клетку. Теперь истинное знание фейри казалось ему ближе, чем когда-либо прежде.

– Входи! – крикнула бабушка из кухни.

Он повернул холодную металлическую ручку. Кухня была забита старой посудой: десятки кастрюль, нагроможденные друг на друга, старые чугунные сковородки с ржавыми краями – бабушка Кайи терпеть не могла ничего выкидывать.

– И в какие неприятности вы оба успели попасть прошлой ночью? – спросила старушка, складывая тарелки в посудомоечную машину.

Корни, на мгновение растерявшись, изобразил возмущение.

– Простой ночью. Верно. Вообще-то я рано ушел.

– Разве мужчина может бросить девушку одну в таком состоянии, Корнелиус? Кайе плохо все утро, она заперлась в спальне.

Запищала микроволновка.

– Но вечером мы планировали поехать в Нью-Йорк.

Бабушка открыла дверцу, говоря:

– Что ж, сомневаюсь, что она готова к этому. Вот, отнеси-ка. Может, хоть от этого ее не вывернет.

Корни взял кружку и взбежал по лестнице. Чай расплескивался, оставляя за ним дорожку дымящихся капель. У двери Кайи он на мгновение остановился и прислушался. Изнутри не доносилось ни звука.

Корни постучал.

Но ответа не последовало.

– Кайя, это я, – сказал он. – Эй, Кайя, подойди и открой дверь. – Он снова забарабанил в дверь. – Кайя!

Послышалось шарканье, затем щелчок – и дверь распахнулась. Корни невольно отшатнулся.

Он уже видел Кайю без чар, но не был готов увидеть ее такой сейчас. Яркая зелень кожи выглядела особенно странно в контрасте с белой футболкой и выцветшими розовыми трусиками. Блестящие черные глаза были обведены красным, а из комнаты за ее спиной шел кислый запах.

Впустив его, Кайя снова упала на матрас, закуталась в одеяло и уткнулась лицом в подушку. Теперь Корни видел только спутанные зеленые волосы и длинные тонкие пальцы, которые стискивали одеяло, прижимая его к груди, словно мягкую игрушку. Она напоминала отдыхающую кошку – настороже, хотя так и не скажешь.

Корни подошел и присел на пол рядом с матрасом, откинувшись на потрепанную атласную подушку.

– Должно быть, отлично провела ночь, – шепнул он осторожно. Приоткрыв на секунду чернильно-черные глаза, Кайя глухо фыркнула. – Ну все, подъем! Уже чертов полдень. Время вставать.

Внезапно с книжной полки спланировала Люти, перепугав Корни. Она опустилась ему на колено и рассмеялась. Ее высокий смех звучал как перезвон колокольчиков. Корни с трудом подавил желание закрыть уши.

– Ее притащил сюда сам Руддлз, камергер Ройбена, при поддержке боггана и пака. Только представь боггана, который нежно укладывает пикси в постель!

– Сомневаюсь, что он был особо нежен, – простонала Кайя. – И вообще, вы можете заткнуться? Я пытаюсь заснуть.

– Бабушка прислала тебе чай. Будешь? Если нет, я сам выпью.

Кайя со стоном перевернулась на спину.

– Дай сюда.

Корни протянул кружку, подождав, когда Кайя усядется на постели. Прозрачное крыло задело стену, осыпая простыни водопадом пылицы.

– Больно?

Кайя оглянулась на крыло и пожала плечами. Большую кружку с чаем она вертела в руках, согревая пальцы ее теплом.

– Полагаю, на выступление твоей мамы мы сегодня не попадем.

Девушка подняла взгляд, и Корни с удивлением заметил стоящие в ее глазах слезы.

– Не знаю, – отозвалась она. – Откуда мне знать? Я вообще почти ничего не знаю.

– Ладно, ладно. Что, черт возьми, случилось?

– Я призналась Ройбену, что люблю его. Достаточно громко. Перед огромной толпой.

– А он что?

– Это было так называемое заявление. Мне сказали... Не представляю, зачем вообще послушала этих двоих... Сказали, если не сделаю это сейчас, меня кто-нибудь опередит.

– А кто эти двое?..

– Даже не спрашивай, – вздохнула Кайя, делая глоток чая и качая головой. – Я так жутко напилась, Корни. Никогда не хочу больше это повторять.

– Извини. Продолжай.

– Мне об этом рассказали две фейри. Об официальном заявлении. Они вроде как... не знаю... хвастались, наверное. Как бы то ни было, Ройбен просил меня слиться с толпой, пока идет церемония, а я все это время не могла избавиться от мыслей... ну, знаешь, что не подхожу ему, что он, возможно, мной разочарован. Думала, что втайне он хотел бы, чтобы я больше узнавала о традициях фейри. Чтобы сделала это заявление до того, как ему придется дать задание другой.

– Что дать? Задание? – нахмурился Корни.

– Да, задание, чтобы доказать свою любовь.

– Как драматично. И ты сделала это заявление? Ну конечно, ты его сделала.

Кайя отвернулась, чтобы он не видел выражения ее лица.

– Да, но Ройбен не обрадовался, скорее, он был ужасно недоволен. – Она спрятала лицо в ладонях. – Кажется, я жутко облажалась.

– И какое он тебе дал задание?

– Найти фейри, способного лгать, – почти шепотом отозвалась Кайя.

– Я думал, они вообще не умеют лгать.

Кайя перевела на него мрачный взгляд. И в это самое мгновение Корни с ужасом осознал, что она имеет в виду.

– Так, постой... Хочешь сказать, Ройбен дал тебе задание, которое невозможно выполнить?

– Да, и мне нельзя видеться с ним, пока не выполню задание. Так что, по сути, я больше никогда не увижу Ройбена.

– Не существует фейри, который мог бы говорить неправду. Это одно из тех заданий, которые позволяют избавиться от просителя. Зато не требуется прикладывать никаких усилий, – вдруг подала голос Люти-лу. – Есть и другие задания, например, откачать всю соль из морей. Вот это особенно мерзкое! А можно пожелать нечто такое, что на первый взгляд кажется невозможным, но все же выполнимо. Сплести накидку из звезд, например.

Корни пересел на матрас рядом с Кайей, согнав со своего колена Люти.

– Должен же быть какой-то выход, – проговорил он. – Уверен, можно что-нибудь придумать.

Маленькая фейри, полетав немного, опустилась на колено большой фарфоровой куклы. Свернувшись калачиком, она сладко зевнула.

– Но, Корни, он ведь не хочет, чтобы я выполнила задание! – покачала головой Кайя.

– Бред собачий.

– Ты же слышал, что только что сказала Люти.

– И все равно бред. – Корни пнул упавшую с матраса подушку. – А если фейри сильно исказит правду?

– Это не ложь, – возразила Кайя, делая большой глоток чая.

– Скажи, что чай холодный. Просто попробуй. Может, получится, если себя пересилить?

– Чай...

Кайя замолчала. Рот ее все еще был открыт, но язык словно застыл.

– Что тебя останавливает? – спросил Корни.

– Не знаю. Я вдруг почувствовала панику, мысли спутались. Я словно пыталась придумать, как избежать опасности. Чувствовала, будто задыхаюсь. Челюсти склеило – я ни звука не могла выдать.

– Господи, не представляю, что бы я делал, если бы разучился врать.

Кайя упала спиной на подушки.

– Все не так плохо. Почти всегда можно заставить собеседника поверить в неправду, не прибегая к прямой лжи.

– Например, как ты заставила бабушку поверить, будто этой ночью была со мной? – Когда Кайя вновь сделала глоток чая, Корни заметил на ее губах слабую улыбку. – А если ты скажешь, что собираешься что-нибудь сделать, а сама не сделаешь? Это будет считаться ложью?

– Не знаю, – вздохнула она. – Разве это не то же самое, что сказать что-то, что, ты думаешь, правда, а потом обнаружить, что это не так? Например, когда прочитал о чем-то в книге, а при проверке это оказалось полной чепухой.

– Но ведь это тоже ложь!

– Если так, то я идеальная лгунья. Безусловно, я часто ошибаюсь.

– Ну, хватит, Кайя, давай съездим в город. Ненадолго выберешься из этой дыры – и тебе станет лучше, поверь! Мне, например, всегда помогает.

Кайя улыбнулась и рывком села.

– А где Армагеддон?

Корни бросил взгляд на клетку, но Кайя уже торопливо двигалась к ней на четвереньках.

– Он здесь! Слава богу, оба на месте. – Она глубоко вздохнула и расслабилась. – Испугалась, что он мог остаться во дворце.

– Ты что, брала туда крыс? – скептически спросил Корни.

– Может, просто не будем больше говорить о прошлой ночи, – попросила Кайя, натягивая выцветшие камуфляжные штаны.

– Ага, как скажешь, – зевая, ответил Корни. – Не хочешь перекусить по дороге? Я бы не отказался от блинчиков.

Кайя поморщилась и принялась собирать вещи.

В машине Кайя откинула голову на разодранное пластиковое сиденье, смотря из окна на небо и стараясь ни о чем не думать. Ближе к городу ряды деревьев, обрамляющих трассу, сменились заводами, выбрасывающими огонь и густой белый дым, который, поднимаясь, смешивался с облаками.

Когда они добрались до района Бруклина, который мама Кайи считала Вильямсбургом – хотя, скорее всего, это был Бедфорд-Стайвесант, – движение стало менее оживленным. Дорогу испещряли ямы, асфальт покрылся трещинами. Улицы были пустынные, а тротуары завалены кучами грязного снега. Вдоль дороги было припарковано немного машин. И стоило Корни остановиться, Кайя рывком открыла дверцу и выскочила на воздух. Город казался странно одиноким.

– Ты в порядке? – спросил Корни.

Кайя покачала головой и склонилась над сточным желобом, на случай если ее вырвет. Люти-лу впиалась крошечными пальчиками ей в шею, пытаясь удержаться на плече.

– Но не могу понять, от чего больше чувствую себя так дерьмово: от двух часов езды в железной коробке или все же от жуткого похмелья, – выдавила она между глубокими вдохами.

«Найди фейри, способного лгать».

Корни пожал плечами:

– Больше никаких машин до самого отъезда. Все, что от тебя сейчас требуется, – это подготовиться к поездке в метро.

Кайя застонала, но она слишком устала, не было сил даже врезать ему. Запах железа был повсюду, им провоняли улицы. Металлические балки подпирали каждое здание, железо формировало каркасы автомобилей, которые заполняли городские дороги, словно медленно движущаяся кровь – артерии. Пары железа сковывали ее легкие. Кайя сосредоточилась на маскирующих чарах, стараясь усилить их и в то же время притупить чувства. Наконец ей удалось справиться с тошнотой.

«Ты единственная, кто мне действительно нужен».

– Идти можешь? – спросил Корни.

– Что? А, да... – выдохнула Кайя, засовывая руки в карманы клетчатого пальто. – Конечно.

Весь мир словно замедлился. Кайя не могла сосредоточиться ни на чем, кроме воспоминаний о Ройбене и привкусе железа во рту. Она сильнее сжала кулаки, вонзая ногти в ладони.

«Чувства к тебе... Это моя слабость».

– Итак... куда нам? – Корни дотронулся до ее плеча.

Кайя проверила номер, записанный на тыльной стороне ладони, и указала на жилой комплекс. Квартира, которую здесь снимала ее мама, стояла вдвое дороже их старой комнатухи в Филадельфии. Эллен пообещала ездить на работу из Нью-Джерси, но выдержать смогла лишь до первой серьезной ссоры с бабушкой. Как всегда. Но на этот раз Кайя с ней не поехала.

Они с Корни поднялись по ступеням к двери в комплекс и нажали кнопку домофона. В динамике зажужжало, и Кайя толкнула дверь, проходя внутрь. Корни последовал за ней.

Как и все другие двери на восемнадцатом этаже, дверь квартиры мамы была обита грязной фанерой под клен. Позолоченная пластиковая девятка висела прямо под глазком. Когда Кайя постучала, номер закачался на единственном гвозде.

Дверь открыла Эллен. Ее волосы и тонкие брови были выкрашены в красновато-рыжий цвет, а лицо сияло чистотой и свежестью. На ней были черный джемпер плотной вязки и темные джинсы.

– Детка! – Эллен крепко обняла Кайю, раскачиваясь с ней из стороны в сторону, как номер на двери. – Я так по тебе скучала!

– Я тоже очень соскучилась, – ответила Кайя, крепко прижимаясь к ее плечу. Было странно, непростительно хорошо. Интересно, что бы сделала Эллен, если бы узнала, что ее дочь не человек? Закричала бы, конечно. Больше в голову ничего не приходило.

Лишь через пару секунд Эллен взглянула через плечо дочери.

– О, и Корнелиус с тобой. Спасибо, что привез ее. Проходи. Пиво будешь?

– Нет, спасибо, миссис Фирч, – сказал Корни. Он нес свою спортивную сумку и мешок для мусора Кайи, в который она сложила свои вещи.

Квартирка была маленькой, с белыми стенами. Большую часть комнаты занимала королевских размеров кровать, она стояла вплотную к окну и была покрыта пледом. Рядом на стуле сидел незнакомый Кайе мужчина и настраивал бас-гитару.

– Это Трент, – представила его Эллен.

Мужчина поднялся, открыл футляр и аккуратно положил в него инструмент. Как раз во вкусе Эллен: длинные волосы, щетина на подбородке. Но кое-чем он отличался от всех предыдущих – легкой сединой в волосах.

– Мне пора. Увидимся в клубе. – Он взглянул на Корни и Кайю. – Приятно познакомиться.

Присев на край кухонного стола, Эллен взяла сигарету с тарелки. Свитер соскользнул с одного плеча. Кайя смотрела на маму, ловя себя на том, что ищет хоть какое-то сходство с ее настоящей дочерью. С девочкой, которую она видела при Благом дворе, с той, чью жизнь Кайя украла. Но все, что Кайя видела в мамином лице, было сходство с ее собственным человеческим обликом, который она создавала своими чарами.

Трент, махнув на прощание, вместе со своей гитарой исчез в коридоре. Люти успела воспользоваться моментом: вспорхнула из-за плеча Кайи и юркнула на холодильник. Кайя заметила, как та спряталась за пустой вазой внутри чего-то, что напоминало картонную коробку для еды навынос.

– Знаешь, чего тебе не хватает? – спросила Эллен у Корни, взяв стоящую рядом полупустую банку пива, и сделала большой глоток.

– Смысла жизни? Самоуважения? Пони? – с усмешкой пожал плечами он.

– Нормальной стрижки. Хочешь, устрою? Я всегда стригла Кайю в детстве. – Она спрыгнула со стола и направилась в ванную. – Кажется, у меня где-то даже завалялись ножницы.

– Корни, не поддавайся. – Громко, чтобы мама точно слышала, предупредила Кайя. – Мам, хватит издеваться над Корни!

– Я что, так плохо выгляжу? – спросил Корни. – Одежда и вообще... плохо, да? – Было что-то в том, как он с сомнением спрашивал, что придавало вопросу вес.

Кайя искоса взглянула на него и усмехнулась:

– Ты выглядишь собой.

– И что это значит?

Кайя указала на камуфляжные штаны – их она первыми откопала в куче мятой одежды на полу – и футболку, которую даже не передела после сна. Ботинки она так и не удосужилась зашнуровать.

– Посмотри, что на мне. Одежда не имеет значения.

– Значит, я выгляжу ужасно, да?

Кайя склонила голову набок и присмотрелась к нему. Его кожа очистилась от прыщей, из-за которых он страдал во времена работы на заправке, словно их никогда и не было. И теперь казалось, что Корни всегда был весьма симпатичным.

– Знаешь, никто в здравом уме не выберет такую стрижку, как у тебя, если, конечно, не пытается показать всему миру средний палец.

Корни неуверенно поднял руку к волосам.

– А эти твои рыжие и коричневые синтетические рубашки с огромными воротниками...

– Их мама вечно покупает на блошином рынке.

Из груды одежды, наваленной у кровати, Кайя вытащила косметичку мамы и достала оттуда черную блестящую подводку для глаз.

– Но мне кажется, без них ты бы не был собой.

– Ладно, ладно, я понял... А что, если я больше не хочу выглядеть «собой»?

Кайя на мгновение замерла, прекращая подводить глаза. В его голосе звучала болезненная тоска, которая заставила ее почувствовать беспокойство. Интересно, что бы Корни делал, если бы получил силу фейри? Задумывался ли он об этом?

Эллен вышла из ванной с расческой, ножницами, машинкой для стрижки и упаковкой краски для волос.

– Может, перекрасим тебе волосы? Я тут нашла краску Роберта. Он ее прикупил, а потом передумал и решил обесцветиться. Тебе пойдет черный.

– А кто такой Роберт? – спросила Кайя.

Корни взглянул на свое отражение в заляпанной жиром дверце микроволновки. Повернулся одним боком, другим...

– Пожалуй, хуже точно не станет.

Эллен выпустила тонкую струйку дыма, стряхнула пепел и снова поднесла сигарету к губам.

– Ладно, садись.

Корни неловко опустился на стул. Кайя забралась на столешницу, решив допить пиво, которое оставила мама. Эллен протянула ей шнур машинки для стрижки волос.

– Милая, подключи-ка ее! – попросила она. Накинув на плечи Корни испачканное краской полотенце, Эллен принялась за стрижку. Машинка зажужжала, касаясь затылка. – Да, уже лучше.

– Эй, мамуль, – сказала Кайя, – можно тебя кое о чем спросить?

– И вопрос будет явно о чем-то нехорошем, – усмехнулась мать.

– С чего ты так решила?

– Ну, обычно ты не называешь меня мамулей, – Эллен бросила машинку для стрижки, глубоко затянулась и принялась укорачивать волосы на макушке Корни маникюрными ножничками. – Конечно, можно. Детка, ты можешь спрашивать меня о чем угодно.

Сигаретный дым жег Кайе глаза.

– Ты никогда не задумывалась: а вдруг я не твоя дочка? Вдруг меня подменили в роддоме?

Стоило словам сорваться с губ, и Кайя невольно вскинула руку, согнув пальцы, словно собиралась поймать фразу в воздухе, не позволяя долететь до чужих ушей.

– Ух ты, странный вопрос.

Кайя ничего не сказала. Просто ждала, неуверенная, что сможет выдавить из себя хоть слово.

– Забавно. На самом деле, как-то раз я действительно задумалась. – Пробегая пальцами по волосам Корни, Эллен отыскала пару неровных прядок и подрезала их. – Господи, тебе тогда еще двух не исполнилось. Мы приехали к бабушке, и я положила на стул стопку книг, чтобы ты могла нормально сидеть за столом. Это было небезопасно, но и я тогда не отличалась особым умом. В общем, я ненадолго вышла на кухню, а когда вернулась, ты лежала на полу, книги разлетелись по всей гостиной... Да, ты упала, а я определенно была ужасной матерью. Но дело в том, что ты не плакала. Ты держала в руках открытую книгу и, клянусь, читала ее! Это было ясно, как божий день. И я вдруг подумала: «Мой ребенок – гений!» А потом пришла странная мысль: «Это не мой ребенок».

– Да уж, – отозвалась Кайя.

– И ты всегда была такой честной... совсем как я в детстве. Конечно, ты многое утаивала, но никогда не стала бы откровенно лгать.

«Да вся моя жизнь – ложь!»

Какое облегчение, что это можно было не произносить вслух. Просто промолчать, позволив мгновениям пролетать мимо, пока разговор не повернет в другое русло, сковывающий ее ужас рассеется, а сердце, перешедшее на бешеный галоп, успокоится.

– Так ты представляла, будто тебя тайно подменили? – спросила мама.

Кайя застыла. Эллен замешивала металлической ложкой черную краску в треснувшей миске для хлопьев.

– А я в детстве притворялась, будто на самом деле отбилась от цирка. И когда-нибудь глотатели огня, жонглеры и канатоходцы вернутся за мной и заберут с собой. Я буду жить в доме на колесах и предсказывать людям судьбу.

– Если бы ты не была моей мамой, кто бы делал из моих друзей таких красавчиков? – уже произнося эти слова, Кайя поняла, какая она трусиха. Нет, она была скорее не трусливой, а жадной. Кукушонок, который не желает расставаться с уютным украденным гнездом.

Удивительно, какой жуткой лгуньей она могла быть, при этом не обманывая напрямую.

Корни поднял руку и прикоснулся к непривычно колючему ежику коротких волос.

– А я раньше любил делать вид, будто я из другого измерения. Ну, как Спок⁴ с эспаньолкой, который прибыл из параллельной вселенной. И я представлял, что в том измерении моя мама на самом деле королева огромной империи или волшебница в изгнании, или еще кто могущественный. Минус был всего один: у нее, вероятно, тоже росла эспаньолка.

Кайя хихикнула. Но из-за смеси сигаретного дыма с химическими парами смех больше походил на приступ удушья.

Эллен вылила на голову Корни ложку черной субстанции и размазала ее расческой. Брызги краски окрасили ее ладони и браслеты.

Почувствовав сильное головокружение, Кайя пересекла крошечную комнату и распахнула окно. Жадно глотая холодный воздух, она посмотрела на улицу и вдруг застыла.

– Потерпи еще минутку, и я смою с него эту гадость, – сказала Эллен.

Кайя кивнула, хотя сомневалась, что мама смотрит на нее. На заснеженной улице стояла небольшая компания, дыхания людей поднимались к небу, танцующая в воздухе, точно сигаретный дым.

Свет фонаря отражался от длинных светлых волос какого-то мужчины, и на мгновение, прежде чем он обернулся, Кайя подумала, что это Ройбен. Конечно, это был не он, но она все равно с трудом удержалась, чтобы его не окликнуть.

– Все, милая, я закончила, – сообщила Эллен. – Поищи нашему парню другую рубашку. Его я заляпала краской, да и вообще, он же тощий и в ней просто утопает.

Кайя обернулась. Шея Корни покраснела и покрылась пятнами.

– Мам, ты его смущаешь!

– Если это телешоу-преображение, я бы был тем, кому меняют имидж, – мрачно выдавил Корни.

– Боже упаси, – хмыкнула Эллен, откладывая окурочку на тарелку.

Порывшись в нескольких кучах одежды, Кайя выудила на свет темно-коричневую футболку с черным силуэтом всадника на кролике с пикой в руке. Повыше подняла ее, показывая Корни.

– Какая-то она обтягивающая, – нервно хохотнул он.

Эллен пожала плечами.

⁴ Спок – герой сериала «Звездный путь». Имеется в виду альтернативная версия Спока из зеркальной вселенной, внешне отличающаяся лишь наличием бороды.

– У нас в баре проходила книжная презентация. Приезжала какая-то Келли... Чейн? Есть такая – Келли Чейн? В общем, футболка оттуда. На тебе она будет хорошо смотреться. Джинсы у тебя неплохие, куртка тоже, а вот кроссовки никуда не годятся. Надень вторые носки и сможешь взять кеды Трента. По-моему, он оставил их в шкафу.

Корни взглянул на Кайю. Черная краска ручейками ползла по его шее, окрашивая ворот его старой футболки.

– Пойду-ка я в ванную, – тихо произнес он.

Когда в ванной полилась вода, заполняя крошечную квартирку паром, Эллен присела на кровать.

– Раз уж мы прихорашиваемся, не наклеишь мне глаза? Никак не могу научиться так шикарно рисовать смоки-айз, как ты.

– Конечно, – улыбнулась Кайя.

Эллен откинулась на кровать, Кайя склонилась над ней и аккуратно нанесла блестящие серебристые тени на веки, затемняя и очерчивая края ресниц черной подводкой. Сейчас, вблизи, Кайя разглядела тонкие гусиные лапки в уголках глаз мамы, расширенные поры на носу и слегка багровую кожу у самых кончиков ресниц. А убирая с ее лица волосы, Кайя заметила мерцание серебристых прядей. Пальцы ее дрогнули.

«Смертная. Вот что значит быть смертной».

– Кажется, я закончила, – сказала Кайя.

Эллен села и поцеловала дочь в щеку. В дыхании ее ощущался аромат сигаретного дыма, запах разрушающихся зубов и сладкой жевательной резинки.

– Спасибо, детка. Ты моя спасительница.

«Я все расскажу ей, – заверила себя Кайя. – Обязательно расскажу сегодня же вечером».

Дверь ванной распахнулась, и из облака пара выступил Корни. Странно было видеть его в новой одежде, с короткими и темными волосами. Конечно, он не изменился до неузнаваемости, но темные волосы придавали блеск его глазам, а облегающая футболка превратила худобу в стройность.

– Шикарно выглядишь, – сказала Кайя.

Он смущенно накинул на голову полотенце и потер шею, словно найдя остатки краски.

– А что ты думаешь? – спросила Эллен.

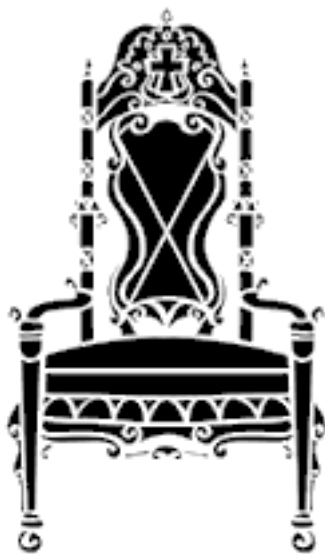
Корни обернулся к зеркалу в ванной, пристально вглядываясь в него, словно пытаясь запомнить свое отражение.

– Я словно прячусь в собственной шкуре.

Глава 4

*Хлеб не спасает от голода, а каждый
рассвет все темней,
Только звучание шагов твоих мне важно
в течение дней.*

Пабло Неруда. «Сонет XI»

Поездка на метро была ужасной. Кайя ощущала железо повсюду, оно давило на плечи, запах забивался в нос, душил. Цепляясь за алюминиевый поручень, она старалась не дышать.

– Ты какая-то зеленая, – заметил Корни, когда они поднимались по бетонным ступеням, ведущим на улицу.

Кайя чувствовала, как истончаются ее чары, слабея с каждым мгновением.

– Ребят, вы, может, прогуляетесь немного? – спросила Эллен. Губы ее сверкали, а волосы были так густо покрыты лаком, что даже когда налетал ветер, они не шевелились. – Вам скучно будет смотреть, как мы готовимся.

Кайя кивнула:

– И вообще, вдруг я увижу Нью-Йорк, осознаю, насколько он крут, и перееду сюда, вместо того чтобы сидеть в Джерси и ждать неведомо чего?

– Точно, – улыбнулась Эллен.

Кайя и Корни прошли по окраине Вест-Виллиджа. Мимо магазинов одежды, в которых продавались мохнатые шапки и клетчатые шорты, мимо крошечных музыкальных лавочек, предлагающих альбомы зарубежных групп, и секс-шопа, где в праздничной витрине, выложенной красно-белым бархатом, красовалась виниловая маска-кляп с кошачьими ушками. Рядом, на углу, парень в армейской куртке играл на флейте рождественские гимны.

– Смотри, кафе! – воскликнул Корни. – Можем зайти. Посидеть, погреться.

Они поднялись по лестнице и вошли в отделанную золотом дверь.

«Café des Artistes» представляло собой множество залов, переходивших один в другой и соединенных большими проходами. Кайя прошла мимо стойки, открыла дверь и оказалась в небольшой комнате с камином, который был покрыт белым воском оплавленных свечей. Он

казался чудовищным песочным замком, размытым волнами. В тусклом свете черных люстр, которые свисали с темного жестяного потолка, освещая старинные гравюры и позолоченные зеркала, комната казалась сумрачной и прохладной. Слабый успокаивающий аромат чая и кофе, витающий в воздухе, заставил Кайю вздохнуть.

Они уселись в изящные позолоченные кресла, настолько потертые, что на подлокотниках проглядывал пластик. Корни постучал ногтем по завитку кресла, и блестящий слой тут же осыпался. Кайя рассеянно выдвинула ящик маленького кремового столика, стоявшего перед ней. Внутри она с удивлением обнаружила целую кучу бумаг: заметки, открытки, письма. Но тут в дверях показалась официантка, и Кайя торопливо захлопнула ящичек. Волосы женщины были светлыми, но под ними проглядывали глянцево-черные пряди.

– Вам что-нибудь предложить?

Корни взял со стола меню и зачитал названия, явно выбирая наугад:

– Омлет с зеленым перцем, помидорами и грибами, сырную нарезку и чашку кофе.

– Мне тоже кофе. – Кайя выхватила меню из его рук и тоже заказала первое, что увидела. – И кусок лимонного пирога.

– Идеально сбалансированная диета, – заметил Корни. – Сахар и кофеин.

– Может, он с меренгой? – возразила Кайя. – А это яйца, белок.

Корни закатил глаза.

Стоило только официантке отойти, Кайя снова раскрыла ящик и принялась перебирать открытки.

– Глянь только!

Одна открытка с красивым женским почерком описывала путешествие по Италии: *«Не могу перестать думать о словах Лоуренса. Вдруг я действительно встречу кого-то в Риме?»* На другой открытке с небрежно нарисованной в углу чашкой печатными буквами было подписано: *«Я плюнула в свой кофе и незаметно поменялась кружками с парнем Лауры, чтобы он попробовал меня на вкус».*

Кайя зачитала их вслух и поинтересовалась:

– Как ты думаешь, откуда они здесь?

– С гаражной распродажи? – предположил Корни. – А может быть, это открытки, которые так и не попали к адресатам. Вот хочешь ты написать письмо, но боишься отдать его человеку, которому оно предназначено. Поэтому пишешь и оставляешь тут.

– Давай тоже что-нибудь оставим? – предложила Кайя. Она порылась в сумке, выуживая из нее два клочка бумаги и подводку для глаз. – Только осторожно. Она мягкая и мажется.

– И что теперь? Мне нужно поделиться секретом? Как тебе такой: мне всегда хотелось, чтобы у меня был парень, похожий на злодея из комиксов, а после Нефамаэля... я вообще не уверен, что смогу быть рядом с хорошим парнем.

Сидящая за соседним столиком парочка оглянулась на них. Кажется, они расслышали часть их разговора, но не смогли уловить суть.

– Послушай, – закатила глаза Кайя, – печальный опыт с одним психом-садистом не доказывает, что остальные психи-садисты так же плохи.

Ухмыльнувшись, Корни взял листок бумаги и принялся писать. Он сильно надавливал на карандаш, выводя жирные и четкие буквы. Закончив, он пододвинул листок к Кайе.

– Держи, все равно ведь прочитаешь.

– Нет, если ты не захочешь.

– Просто возьми и прочитай.

Кайя взяла листок и увидела слова: *«Я готов на что угодно, чтобы не быть простым смертным».*

Тогда она взяла подводку и на своем клочке бумаги написала: *«Я украла чужую жизнь»*, – а затем подала листок Корни.

Никак не прокомментировав ее откровение, он спрятал оба листка в ящике стола. Вскоре вернулась официантка, разложила серебристые приборы, поставила чашки с кофе и сливки. Кайя занялась приготовлением своего кофе, решив сделать его максимально сливочным и сладким.

– Думаешь о задании Ройбена? – спросил Корни.

Кайя размышляла о словах, которые написал Корни, но сказала:

– Мне хотелось бы поговорить с ним еще хоть раз. Чтобы Ройбен лично сказал, что я ему не нужна. Иначе кажется, будто мы расстались во сне.

– Можно попробовать отправить ему письмо или как-нибудь еще связаться. Фактически ведь вы не увидите.

– Да, конечно, – ответила Кайя. – Но вдруг ему отправляют послания, например, в желудках? Как мне когда-то.

– Мы еще многое не понимаем в обычаях фейри. Все, что произошло, может означать совсем не то, что ты думаешь.

Кайя отрицательно покачала головой:

– Может быть, хорошо, что мы расстались. Он вечно занят. Управление злобным двором занимает уйму времени.

– К тому же он слишком стар для тебя, – подхватил Корни.

– И вечно чем-то недоволен, – добавила Кайя. – Как эмо-бой.

– У него даже машины нет. На кой черт тебе бойфренд без машины?

– И с волосами длиннее моих, – подметила Кайя.

– Спорим, он еще и перед выходом копается дольше тебя?

– Эй! – Кайя стукнула его по руке. – Я никогда не копаюсь!

– Да я же так, образно, – ухмыльнулся Корни. – Впрочем, встречаться со сверхъестественным существом в принципе нелегко. Безусловно, если ты сам относишься к сверхъестественным существам, все становится чуточку проще.

В противоположном конце зала за столиком сидели трое мужчин, посматривая на них из-за чашек с капучино. Один что-то сказал, и его приятели рассмеялись...

– Ты их пугаешь, – прошептала Кайя.

– Они явно думают, что мы обсуждаем какую-нибудь странную книгу, – возразил Корни. – Или в настолки играем. А может, мы ролевики. – Он скрестил руки на груди. – Я заколдовал тебя, и теперь ты должна заплатить за ужин.

Кайя поймала взгляд девушки, склонившейся над столом. Кончики ее длинных волос свисали в чашку с кофе. На девушке одно на другое было надето несколько пальто, отчего казалось, что у нее горб. Убедившись, что Кайя смотрит, девушка сжала двумя пальцами маленький клочок бумаги и сунула его в ящик стола. Подмигнув Кайе, одним глотком она допила кофе и засуетилась, собираясь уходить.

– Подожди-ка, – попросила Кайя Корни, поднимаясь и пересекая зал.

Девушка исчезла, но когда Кайя открыла ящик стола, записка была там: *«Королева желает тебя видеть. Посредник знает дорогу. Его номер: 555-1327».*

Корни и Кайя подходили к клубу, когда повалил снег. Кирпичный фасад здания был в несколько слоев оклеен рекламными плакатами, рванными и поблекшими от дождей и грязи. Корни не узнала ни одну из групп.

У дверей стояла женщина в черных джинсах и пальто под зебру и собирала по пять долларов за вход с жалкой очереди дрожащих посетителей.

– Документы, – потребовала она, отбрасывая назад тонкие косички.

– Моя мама сегодня здесь играет, – сказала Кайя. – Мы в списке.

– И все равно мне нужно посмотреть документы.

Кайя хмуро смотрела на женщину, воздух вокруг них, казалось, начал дрожать, как бывает летом в сильную жару.

– Проходите, – проговорила женщина как во сне.

Корни протянул руку, чтобы ему поставили липкую печать с голубым черепом, и направился к двери. Сердце его гулко билось.

– Что ты с ней сделала? – спросил он.

– Как же я обожаю этот запах, – с улыбкой сказала Кайя. Он сомневался, на самом ли деле она не услышала вопрос или решила не отвечать.

– Ты, должно быть, шутишь.

Внутри клуба все было черным. Даже трубы высоко над их головами были покрыты темной матовой краской, и казалось, стены поглощают весь свет вокруг. Несколько разноцветных огоньков мерцали над стойкой бара и сценой, где ревели какая-то группа.

– Нет, серьезно, – ответила Кайя, стараясь перекрыть музыку. – Пары пива, сигаретный дым и свежий пот. Правда, все вместе обжигает горло, но это цветочки после машины и метро.

– Великолепно, – крикнул Корни в ответ. – Хочешь поздороваться с мамой?

– О нет, не сейчас, – Кайя закатила глаза. – Она звереет, когда готовится к выступлению. Что поделать – боязнь сцены.

– Окей, тогда зайдем места, – согласился Корни и стал пробираться к одному из крошечных столиков с подсветкой из красных лампочек, напоминающих жуков.

Кайя пошла заказать что-нибудь выпить, а он уселся за столик, наблюдая за людьми вокруг. Бритоголовый азиат со щетиной на щеках что-то объяснял девушке в вязаном шерстяном платье и ковбойских сапогах с принтом тарантула. Неподалеку, возле черной опорной балки, танцевали медленный танец женщина в муаровом пальто и ее подруга. Корни почувствовал, как его захлестывает дикая волна предвкушения. Вот он, настоящий нью-йоркский клуб, воистину крутое место, куда по всем правилам таким придуркам, как он, вход воспрещен.

Но он здесь.

Кайя вернулась к столику, когда другая группа закончила и на сцену выходила «Порочная Йота»: Трент, Эллен и еще два музыканта.

В следующее мгновение Эллен уже склонилась над гитарой, терзая струны. Покусывая пластиковую трубочку, Кайя завороченно наблюдала за мамой, в глазах ее стояли слезы.

Музыка была неплохой – легкий панк-рок со сбивчивым вокалом. А еще на сцене мама Кайи уже не казалась той увядающей женщиной средних лет, с которой Корни общался всего несколько часов назад. Эта Эллен была дерзкой и свирепой, словно она могла спрыгнуть в зал и съесть маленьких мальчиков и девочек, собравшихся вокруг сцены. Когда она хрипло исполнила первую песню, Корни подумал, каким бы бессмысленным это ни казалось, но в Эллен он видит многое из того, что есть в Кайе.

От такого резкого преображения Эллен ему стало не по себе. Ведь его руки все еще покрывали пятна черной краски после собственного перевоплощения.

Он смотрел на красивых парней и тонких, подобно насекомым, девушек, – а потом задержал взгляд на невысоком мужчине с сумкой через плечо, который стоял у дальней стены. От

одного его вида по рукам Корни побежали мурашки. Черты мужчины были слишком совершенны, чтобы принадлежать человеку.

Отметив напряженную, излучающую власть позу, Корни сначала решил, что это Ройбен, пришедший просить снисхождения Кайи. Но волосы мужчины были цвета масла, а не белые, как соль, да и форма подбородка была совсем другой.

Мужчина так пристально смотрел на Кайю, что, когда девушка с косичками остановилась перед ним, сдвинулся в сторону, продолжая наблюдать.

Сам того не желая, Корни поднялся.

– Я ненадолго, – ответил он на вопросительный взгляд Кайи.

Шагая к незнакомцу, Корни понятия не имел, что делать дальше. Сердце колотилось в груди, словно резиновый мячик, отскакивающий от ребер, и казалось, еще немного – и он задохнется. Но чем ближе Корни подходил к мужчине, тем больше деталей в нем вызывали подозрение. Слишком острые скулы. Глаза цвета колокольчиков. Из всех фейри, которых Корни встречал в человеческом мире, этот был замаскирован хуже всех.

– Знаешь, ты напрасно стараешься смешаться с толпой! – прокричал Корни, заглушая ритмичные удары барабанов.

Фейри прищурился. Корни резко опустил взгляд на заимствованные кроссовки, вспомнив, что легко может попасть под его чары.

– И что бы ты имел в виду? – Голос мужчины звучал мягко, хотя на его лице проступил гнев.

Корни стиснул зубы, борясь с желанием снова заглянуть в эти прекрасные глаза.

– Ты не похож на человека. Ты даже не разговариваешь как человек.

Мягкая теплая рука коснулась щеки Корни, и он вздрогнул от неожиданности.

– Я чувствую себя человеком, – произнес фейри.

Корни, не понимая, что делает, потянулся к нему. Тело охватило острое желание, близкое к боли. Но в момент, когда он прикрыл глаза, Корни увидел лицо сестры, исчезающее под водой, услышал, как она кричала сквозь волны, пока красивый юноша-келпи тянул ее на морское дно. Увидел, как сам ползал в грязи и приносил плоды к ногам смеющегося рыцаря-фейри.

Он резко открыл глаза. Руки дрожали от ярости.

– Хватит флиртовать со мной! – произнес Корни. Он не собирается быть слабаком. Он сможет.

Приподняв брови и насмешливо улыбаясь, фейри продолжал наблюдать за ним.

– Спорим, тебе нужна Кайя? – сказал Корни. – Я могу привести ее.

Незнакомец нахмурился:

– И ты так легко предашь такого же, как ты?

– Думаю, тебе прекрасно известно, что она не человек. – Корни взял его за локоть. – Пойдем, а то Кайя может нас увидеть. Поговорим в туалете.

– Прошу прощения...

– Не останавливайся, умоляй меня, – фыркнул Корни, схватив фейри под руку и ведя сквозь толпу.

Оглянувшись, он убедился, что Кайя поглощена представлением на сцене. Адреналин бурлил в крови, и внезапно гнев и острое желание слились воедино, становясь неразличимыми. Корни распахнул дверь в туалет. Одна кабинка, два писсуара – и никого. На темно-фиолетовой стене рядом с написанным от руки объявлением с угрозами в адрес сотрудников, не моющих руки, висела полка, заваленная рулонами бумаги и чистящими средствами.

В голову Корни пришла ужасная идея. Он едва смог сдержать улыбку.

– Дело в том, – начал он, – что люди одеваются совсем не так. Слишком безупречно, нет присущей нам неряшливости. Ройбен всегда совершал ту же ошибку.

Губы фейри слегка искривились. Корни постарался сохранить невозмутимое выражение лица, словно не заметил этот интригующий знак.

– Посмотри на себя. А теперь постарайся так изменить чары, чтобы одежда была чем-то похожа на мою, хорошо?

Фейри осмотрел Корни.

– Отвратительно, – заключил он, но снял с плеча сумку и склонился, ставя ее у стены.

Корни воспользовался моментом, чтобы схватить с полки баллончик «Рейда». Если Кайя с трудом переносит даже сигаретный дым, каким впечатляющим действием должен обладать концентрированный яд от насекомых. Он не стал долго размышлять. Стоило фейри повернуться, и Корни нажал на кнопку, направляя струю спрея ему в лицо.

Мужчина, задыхаясь, упал на колени. Чары развеялись, обнажая жуткую, нечеловеческую красоту. Мгновение Корни наслаждался его слабостью, наблюдая, как фейри корчится в конвульсиях на грязном полу, прежде чем вытащить из кроссовок шнурки и связать ему руки за спиной.

Фейри кашлял и извивался, стремясь вырваться, но только сильнее затягивая узлы. Корни сжал баллончик и ударил фейри.

– Твою мать, клянусь, еще раз дернешься, и я тебя снова опрыскаю, – предупредил он. – Будешь продолжать в том же духе – долго не протянешь.

Фейри замер. Корни поднялся и, переступив через фейри, навис над ним, продолжая держать палец на кнопке баллончика. Подняв глаза, он увидел собственное зеркальное отражение. Короткие выкрашенные в черный цвет волосы и одежда с чужого плеча – как патетично. Он выглядел болезненно, раздражающе по-человечески.

Тонкие пальцы с силой вцепились в его икру, но Корни прижал носок кроссовка к шее фейри и опустил на корточки.

– Теперь ты расскажешь мне обо всем. Все, что я всегда хотел узнать.

Фейри судорожно сглотнул.

– Твое истинное имя? – сказал Корни.

Васильковые глаза вспыхнули.

– Никогда.

Пожав плечами, Корни убрал ногу с шеи фейри, неожиданно чувствуя себя неловко.

– Ладно, тогда любое имя, которым тебя можно называть. Вот только не надо idiotских «я это я». Имя.

– Адаир.

Корни замолчал, думая о письме в ящике стола.

– Это ты посредник? Ты подсунул Кайе записку?

Мужчина озабоченно взглянул на него и покачал головой.

– Он человек, такой же, как ты.

– Ладно, Адаир. Если ты не посредник, то что же тебе нужно от Кайи?

Фейри молчал слишком долго. Корни с размаху ударил пленника баллончиком по голове.

– Кто отправил тебя сюда?

Адаир пожал плечами, Корни снова ударил его. На губах фейри выступила кровь.

– Силариэль, – выдохнул он.

Корни кивнул. Он тяжело дышал, каждый вздох был похож на судорожный смех.

– Зачем?

– Пикси. Я должен привести ее к Благому двору. Многие подданные моей госпожи разыскивают ее.

Корни уселся Адаиру на живот и запустил пальцы в его волосы.

– Зачем?

– Королева желает побеседовать. Просто побеседовать.

Парень с всклокоченными волосами распахнул дверь туалета и, побледнев, резко ее захлопнул. Фейри развернулся и попытался сесть.

– Скажи мне еще кое-что! – потребовал Корни, его судорожно сжатые пальцы дрожали. – Расскажи, как защитить себя...

В этот момент дверь снова распахнулась. На этот раз это была Кайя.

– Корни, там... – выпалила она, прежде чем осознала представшую перед ней сцену. Она, пару раз моргнув, закашлялась. – Я многое здесь ожидала увидеть, но точно не такое!

– Силариэль послала его, – объяснил Корни. – За тобой.

– Бармен вызывает полицию. Нужно убираться отсюда.

– Нельзя его отпускать! – возразил Корни.

– Корни, он истекает кровью, – Кайя снова закашлялась. – Что ты сделал? Легкие просто горят.

Корни начал подниматься, собираясь все ей объяснить, но...

– Проклинаю тебя. – Выдавил фейри, повернувшись, и плюнул кровью ему в лицо. Алые брызги поползли по щеке подобно слезам. – Да увянет все, чего коснутся твои пальцы.

Корни отшатнулся, и в этот момент рука его коснулась стены. Краска под пальцами мгновенно потемнела и осыпалась. Замерев, он уставился на свою ладонь. Знакомые линии, бороздки и мозоли, казалось, двигались, составляя новый, ужасающий рисунок.

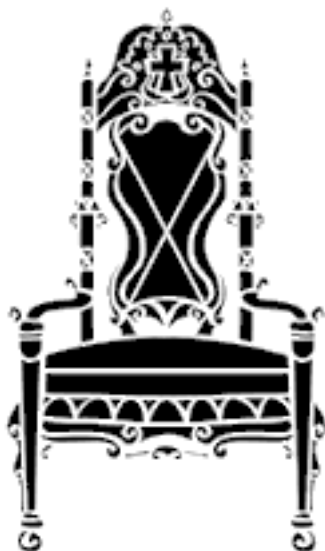
– Ну же, идем! – Кайя схватила Корни за рукав куртки и потянула к двери.

Металл дверной ручки потускнел от прикосновения его ладони.

Глава 5

*Ад в нас самих,
Ад в одиночестве.*

Т. С. Элиот

Фавн с окровавленными когтями низко поклонился перед тронем Ройбена. Сегодня здесь собрались вассалы короля, чтобы рассказать о своих деяниях во славу короны, завоевать покровительство короля, получить от него лучшие задания.

Взглянув на огромное сборище, Ройбен с трудом подавил панику. Он так крепко сжал подлокотники своего трона, что точеное дерево закрипело.

– Во имя вас, – сказал фавн, – я убил семерых своих братьев.

Фавн вытряхнул на землю содержимое принесенного мешка.

– Зачем? – изумился Ройбен, и взгляд его упал на разрубленные копыта, почерневшие от запекшейся крови. Известняк, покрывающий пол зала для аудиенций, уже давно лишился свежести, но дар фавна добавил свежих кровавых пятен.

Фавн пожал плечами. В шерсти на его козлиных ногах запутались ветви ежевики.

– Леди Никневин всегда радовали такие подношения. Я лишь старался завоевать ваше расположение.

Ройбен на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь сохранять отстраненность.

– Правильно. Великолепно.

И повернулся к следующему посетителю. Хрупкий парнишка-фейри с черными, как смоль, крылышками присел в реверансе.

– Рад сообщить, – произнес он мягким подрагивающим голоском, – что погубил почти дюжину смертных детей, сбросив их с крыш навстречу смерти.

– Понятно, – сказал Ройбен сдержанно.

На мгновение он испугался того, что может сделать. Он подумал о Кайе и что она сказала бы обо всем этом; представил, как она стоит на крыше в одной майке и нижнем белье, в котором любила спать, сонно покачиваясь на самом краю.

– Во имя меня? Мне кажется, вы сделали это исключительно ради собственного удовольствия. Возможно, теперь, когда началась война, вам удастся найти для того, чтобы мучить, существ не столь невинных, как дети.

– Как велит мой господин, – ответил, хмурясь, крылатый фейри у его ног.

Вперед вышел маленький сторбленный хоб. Скрюченными пальцами он развернул кусок отвратительной ткани и расстелил ее на полу.

– Я убил тысячу мышей и сплел коврик из их хвостов. Приношу этот дар как дань уважения вашему великолепию!

Впервые Ройбена хоть что-то повеселило на этой церемонии. Он прикусил щеку, сдерживая смех.

– Мышей? – переспросил он, взглянув на своего камергера. Руддлз изогнул бровь.

– Мышей! – ответил хоб, гордо выпятив грудь.

– Это достойное деяние, – произнес Ройбен. Слуги свернули коврик, а довольный собой хоб удалился.

Силки низко поклонилась. Ее крошечное тело прикрывали лишь длинные шелковистые волосы.

– Я навела порчу на виноградники, и все лозы увяли, почернев и налившись ядом. Вино из сока их ягод ожесточит сердца людей.

– Да, ведь сердца людей еще недостаточно жестоки, – иронично заметил Ройбен. Прозвучало совсем по-человечески. Ему не составляло труда догадаться, где он набрался этих фраз.

Но силки, казалось, не заметила иронии в его голосе. Она улыбнулась так, словно он одарил ее величайшей похвалой.

Время тянулось невероятно медленно, презентация даров и деяний продолжалась, каждый новый был ужасней предыдущих, и все они совершены во имя Ройбена, короля Неблагого двора. Поданные подносили ему отвратительные дары, как кошка бросает убитую птичку к ногам хозяина, вдоволь наигравшись с ней.

– Во славу вашего имени, – объявлял каждый, подходя к его трону.

Во славу имени, которого не знал никто, кроме Кайи. Его имени. Теперь, когда оно принадлежало всему этому сброду, который этим именем творил магию и накладывал проклятия, кто имел на него больше прав?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.